

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
Высшего образования
«Южно-Уральский государственный университет»
(национальный исследовательский университет)
Юридический институт
Кафедра «Уголовное и уголовно-исполнительное право, криминология»

ДОПУСТИТЬ К ЗАЩИТЕ
Заведующий кафедрой,
к.ю.н., доцент
_____ И.М. Беляева
_____ 2017 г.

Добровольный отказ от совершения преступления

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА
ФГАОУ ВО «ЮУрГУ» (НИУ) – 40.03.01.2017

Руководитель работы,
к.ю.н., доцент кафедры
_____ М.А. Классен
_____ 2017г.

Автор работы,
Студент группы Ю-531
_____ И.Н. Рябченко
_____ 2017 г.

Нормоконтролер,
преподаватель
_____ Д.В. Бирюкова
_____ 2017 г.

Челябинск 2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	6
1 СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ДОБРОВОЛЬНОГО ОТКАЗА	
1.1 Понятие, признаки и последствия добровольного отказа	8
1.2 Добровольный отказ в зарубежном уголовном праве	47
2 СООТНОШЕНИЕ ДОБРОВОЛЬНОГО ОТКАЗА И ДРУГИХ ИНСТИТУТОВ УГОЛОВНОГО ПРАВА	
2.1 Сравнительный анализ добровольного отказа и деятельного раскаяния	64
2.2 Отграничения добровольного отказа от специальных оснований освобождения от уголовной ответственности и вынужденного прекращения преступления	81
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	98
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК.....	102

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы. Одной из задач уголовного права является предупреждение преступлений. Она решается посредством различных уголовно-правовых средств и механизмов, одним из которых является институт добровольного отказа от преступления. Человек, попавший в сферу действия уголовного закона и вступивший с ним в конфликт, должен иметь возможность при соблюдении ряда условий выйти из него. Существование в законодательстве института добровольного отказа от преступления призвано стимулировать общественно-полезное поведение лиц, вступивших в уголовно-правовой конфликт с государством, посредством установления для них правовой возможности отказаться от доведения преступления до конца и не быть привлеченным к уголовной ответственности.

Несмотря на наличие работ, посвященных вопросам добровольного отказа от совершения преступления, проблемные вопросы, связанные с указанным институтом, в теоретическом и практическом плане себя не исчерпали.

Так, отсутствуют четкие критерии определения признаков добровольного отказа, разграничения добровольного отказа от совершения преступления со смежными институтами уголовного права, отсутствуют единообразное определение юридической природы добровольного отказа и его уголовно-правовых последствий, нет единого подхода по вопросу установления стадий совершения преступления, на которых возможен добровольный отказ.

Несмотря на то, что в последние 10 лет защищено несколько диссертационных исследований по различным аспектам проблемы добровольного отказа от преступления, однако они не сняли обозначенные вопросы и даже породили новые.

Указанное можно объяснить тем, что в теоретическом аспекте проблемные вопросы добровольного отказа относятся к числу наиболее сложных вопросов Общей части уголовного права.

Изложенное позволяет сделать вывод об актуальности выбранной темы дипломного исследования.

Объект дипломной работы – является институт добровольного отказа от совершения преступления в российском уголовном праве.

Предмет дипломной работы – нормы отечественного уголовного законодательства, регламентирующие добровольный отказ от совершения преступления, неоконченное преступление.

Цель дипломной работы – изучение теоретических и практических проблем добровольного отказа от совершения преступления, а также предложение путей решения по некоторым из них.

Задачи дипломной работы:

–дать общую характеристику добровольного отказа, а именно: определить понятие и признаки добровольного отказа, рассмотреть юридические последствия добровольного отказа, провести анализ института добровольного отказа в зарубежном уголовном законодательстве;

–отграничить добровольный отказ от иных смежных институтов уголовного права (деятельное раскаяние, специальные основания освобождения уголовной ответственности, вынужденное прекращение совершения преступления).

1 СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ДОБРОВОЛЬНОГО ОТКАЗА

1.1 Понятие, признаки и последствия добровольного отказа

Правовой институт добровольного отказа от совершения преступления представляет собой определенную систему норм, запрещающих привлечение лица к уголовной ответственности в случае, когда оно, выполняя действия по подготовке преступления или уже исполняя преступное деяние, по собственной воле отказывается от продолжения дальнейших действий по его совершению.

В своем исследовании Л.З. Тадевосян отмечала, что добровольный отказ от завершения преступления является социально полезной деятельностью субъекта, которая дает возможность избежать, с одной стороны, нанесения вреда охраняемым уголовным законом интересам, а с другой – нейтрализовать угрозу наступления для субъекта неблагоприятных последствий, предусмотренных законом за совершенное деяние¹.

В ранних работах ученых существовала позиция, согласно которой основное значение института добровольного отказа от преступления состоит в том, что он «побуждает лицо воспользоваться возможностью отказаться от преступления, то есть стимулирует общественно-полезное поведение»².

Интересно суждение А.И. Коробеева, А.В. Усс и Ю.В. Голика, утверждавших, что человек, попавший в сферу влияния уголовного закона и вступивший с ним в конфликт, должен иметь возможность при соблюдении ряда условий в любой момент выйти из этого конфликта³.

Следует отметить, что институт добровольного отказа от совершения

¹ Тадевосян, Л.З. Неоконченные преступления: монография / Л.З. Тадевосян. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2008. – С. 55.

² Сахаров, А.Б. Предупредительная функция советского уголовного закона / А.Б. Сахаров // Актуальные проблемы уголовного права: сборник статей. – М.: ИГПАН, 1988. – С. 55.

³ Коробеев, А.И. Уголовно-правовая политика: тенденции и перспективы / А.И. Коробеев, А.В. Усс, Ю.В. Голик. – Красноярск: Изд-во Красноярского университета, 1991. – С. 189.

преступления не является новым для науки уголовного права и законодательства. Тем не менее, до принятия УК РФ 1996 г. в законе отсутствовало данное понятие. Поэтому в теории возникло немало дискуссий и споров, послуживших поводом для восприятия данного института с диалектической точки зрения, что нашло свое отражение в различных воззрениях.

Так, например, по мнению Н.В. Лясса, добровольный отказ от преступления является отказом лица от продолжения и завершения планируемого преступления, когда лицо осознает объективную возможность продолжения уже начатой им преступной деятельности¹. Дополнив в своем последующем труде данную точку зрения, автор характеризует добровольный отказ как обусловленный любыми мотивами отказ лица по собственной воле от продолжения запланированного преступления и доведения его до конца – когда лицо осознает объективную возможность продолжить уже начатую преступную деятельность².

В.Д. Иванов также определяет добровольный отказ как отказ лица по собственной воле от продолжения уже начатой преступной деятельности и доведения ее до конца при наличии осознания возможности ее завершения³.

А.А. Пионтковский считает, «что добровольный отказ – это отказ от доведения начатой предварительной преступной деятельности до конца, при наличии осознания фактической возможности ее окончания»⁴.

По мнению автора, добровольным отказом от преступления следует считать основанный на собственном желании и воле лица отказ от возможности совершения приговорительных действий, что, в свою очередь,

¹ Лясс, Н.В. Стадии преступной деятельности по советскому уголовному праву: автореферат дис. ... канд. юрид. наук / Н.В. Лясс. – Л., 1952. – С. 13.

² Лясс, Н.В. Добровольный отказ от совершения преступления / Н.В. Лясс // Советская юстиция. – 1963. – № 22. – С. 17.

³ Иванов, В.Д. Понятие добровольного отказа от начатой преступной деятельности / В.Д. Иванов // Правоведение. – 1992. – № 1. – С. 60.

⁴ Пионтковский, А.А. Учение о преступлении / А.А. Пионтковский. – М.: Госюриздат, 1961. – С. 520.

влечет и прекращение уже начатой преступной деятельности и недоведение ее до конца. При этом у лица должны отсутствовать: интеллектуальный и волевой критерии вины на совершение преступления; осознание фактической возможности доведения преступления до конца; причины и препятствия, исключающие возможность продолжения преступного поведения и достижения преступной цели.

В случае добровольного отказа от совершения преступления лицо может быть привлечено к уголовной ответственности только за те действия, которые содержат признаки преступления. В случае отсутствия признаков оконченного или неоконченного преступления лицо при завершённой деятельности не должно подлежать уголовной ответственности. Таким образом, в случае добровольного отказа лицо не подлежит уголовной ответственности за деяние, которое оно намеревалось совершить. Именно поэтому особую значимость приобретает констатация факта добровольного отказа от преступления. Итак, лицо при добровольном отказе освобождается от уголовной ответственности в случае: отсутствия вины; отсутствия общественно опасного характера деяния; прекращения осуществления своего преступного намерения; когда утрачивается опасность угрозы охраняемым уголовным законом общественным отношениям и ценностям.

А.А. Тер-Акопов справедливо указывает на то, что добровольный отказ от преступной деятельности имеется только в том случае, когда уже возникают определенные действия, осуществленные лицом «на пути» к совершению преступления. Только в этом случае исключение уголовной ответственности имеет практическое значение, а в уголовном законодательстве формируется целый комплекс норм права, который называется институтом добровольного отказа от совершения преступления¹.

Развивая данное положение, отметим, что прекращенным будет считаться осуществляемый лицом акт внешнего поведения. Поэтому только после

¹Тер-Акопов, А.А. Добровольный отказ от совершения преступления / А.А. Тер-Акопов. – М.: Юрид. лит., 1982. – С. 12.

констатации факта прерывания предварительной преступной деятельности правоохранительные органы начинают рассматривать его с позиций добровольного или вынужденного отказа, тем самым давая правовую оценку прекращенной или фактически завершенной деятельности.

Считаем, что позиция российского законодателя при конструировании нормы ч. 2 ст. 31 УК РФ в части введения слова «прекращение» является прогнозируемой и предусмотрительной. Таким образом, законом очерчена та грань, при которой лицо должно перестать совершать начатое преступное деяние. Представляется, что в этой связи было бы неполным считать добровольность отказа от совершения деяния лишь при обращении к данному определению, поскольку «перестать делать что-либо» в данном контексте предполагает наличие собственного желания и воли лица, а не осознания им объективной невозможности продолжить деяние, что, безусловно, не будет являться добровольным отказом.

Что касается формулировок «добровольный отказ от совершения преступления» и «добровольный отказ от преступления», то особых различий между ними не имеется, так как в обоих выражениях подчеркивается, что деяние лица в случае добровольного отказа не является преступлением, поскольку лицо от него (от его совершения) отказалось. В русском языке слово «совершить» имеет значение осуществить или сделать что-либо¹. Поскольку способность сделать и осуществить что-либо присуща только субъекту, особенностью формулировки «добровольный отказ от совершения преступления» является акцент именно на деятельности лица, то есть на самом акте его отказа. Напротив, использованная в Уголовном кодексе РФ формулировка «добровольный отказ от преступления» допускает придание ей различного толкования.

Добровольный отказ в узком смысле – это непосредственно сам акт отказа, то есть прекращение лицом развития начатой им же преступной

¹ Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М.: Оникс, 2007. – С. 741.

деятельности. Об этом свидетельствует, в частности, ч. 2 ст. 31 УК РФ, устанавливающая признаки добровольного отказа, которые характеризуют именно поведенческий акт лица, выразившийся в его отказе от продолжения преступления. Вместе с тем добровольный отказ может пониматься и в широком смысле – как деяние в целом. Иными словами, под добровольным отказом в широком смысле понимается деяние, представляющее изначально реализацию лицом преступного умысла (подготовка к совершению преступления или исполнение деяния), и последующее за ней прекращение данных действий (бездействия) до момента окончания преступления по собственной воле, посягнувшее на совершение преступления лицом¹.

В целом можно утверждать о том, что понятие «добровольный отказ» в широком смысле применяется в основном наукой уголовного права. Законодатель же при конструировании норм ч. 1 и 2 ст. 31 УК РФ использует данный термин в узком смысле.

Таким образом, добровольный отказ от преступления должен быть основан на собственном желании и воле лица (волевой признак) и осознанности им совершения потенциального поступка и его последствий, в том числе и отказа от его реализации (интеллектуальный признак).

При этом отказ лица от возможности совершения приготовительных действий влечет за собой и прекращение уже начатой преступной деятельности, и недоведение ее до конца².

Вопрос о признаках добровольного отказа в науке уголовного права является дискуссионным. До настоящего времени у теоретиков не сформировалось единого мнения о количестве таких признаков, а также о их содержании.

Наиболее распространенной в юридической литературе на сегодняшний

¹ Орлова, А.И. Добровольный отказ от преступления: проблемы теории и практики: дис. ... канд. юрид. наук / А.И. Орлова. – Красноярск, 2007. – С. 18.

² Шамина, М.А. Дискуссионные подходы к определению понятия «добровольный отказ от совершения преступления» / М.А. Шамина // Вестник Челябинского государственного университета. – 2011. – № 35. – С. 68.

день, как и в советский период, продолжает оставаться точка зрения о том, что добровольный отказ от преступления характеризуется двумя основными признаками: добровольностью и окончательностью¹.

Ряд авторов наряду с указанными выделяют признак осознания лицом возможности доведения преступления до конца².

Некоторые исследователи отмечают, что добровольный отказ от преступления характеризуют такие признаки, как добровольность, своевременность и окончательность³.

В специальной литературе высказываются также и иные мнения относительно признаков добровольного отказа от преступления⁴.

Ряд ученых подразделяют их на субъективные и объективные, отмечая,

¹Комментарий к Уголовному Кодексу РФ (постатейный) / под ред. А.В. Бриллиантова. – М.: Проспект, 2010. – С. 94; Кузнецова, Н.Ф. Ответственность за приготовление к преступлению и покушение на преступление по советскому уголовному праву / Н.Ф. Кузнецова. – М.: Изд-во МГУ, 1958. – С. 160; Орлова, А.И. Добровольный отказ от преступления: проблемы теории и практики: автореферат дис. ... канд. юрид. наук / А.И. Орлова. – Красноярск, 2007. – С. 6; Скорилкин, Н.М. Добровольный отказ от преступления его место в системе обстоятельств, освобождающих от уголовной ответственности: автореферат дис. ... канд. юрид. наук / Н.М. Скорилкин. – М., 1998. – с. 17; Дурманов, Н.Д. Стадии совершения преступления по советскому уголовному праву / Н.Д. Дурманов. – М.: Госюриздат, 1955. – с. 196–197; Дьяков, С. Добровольный отказ от совершения преступления / С. Дьяков // Соц. Законность. – 1973. – № 10. – С. 51; Наумов, А.В. Российское уголовное прав. Общая часть / А.В. Наумов. – М.: Бек, 1996. – С. 282; Сверчков, В. Место добровольного отказа от преступления в системе уголовного законодательства / В. Сверчков // Уголовное право. – 2001. – № 2. – С. 28; Уголовное право Российской Федерации: Общая часть / под ред. В.В. Здравомыслова. – М.: Юристъ, 1999. – С. 234–235; Юшков, Ю. Добровольность отказа от совершения преступления / Ю. Юшков // Советская юстиция. – 1978. – № 8. – С. 20.

² Иванов, В.Д. Ответственность за покушение на совершение преступления по советскому уголовному праву: автореферат дис. ... канд. юрид. наук / В.Д. Иванов. – М., 1968. – С. 14; Уголовное право России. Практический курс: учебник / под ред. А.В. Наумова. – М.: ВолтерсКлувер, 2010. – С. 118; Комментарий к Уголовному Кодексу Российской Федерации с постатейными материалами и судебной практикой / под ред. С.И. Улезько. – Ростов н/Д.: МарТ Изд. Центр, 2002. – С. 63.

³ Комментарий к Уголовному Кодексу РФ / под ред. В.Т. Томина, В.В. Сверчкова. – М.: Контракт, 2009. – с. 119; Назаренко, Г.В. Уголовное право. Общая часть: Курс лекций / Г.В. Назаренко. – М.: Ось-89, 2008. – С. 101; Ситникова, А.И. Приготовление к преступлению и покушение на преступление / А.И. Ситникова. – М.: Ось-89, 2006. – С. 124.

⁴ Козлов, А.П. Учение о стадиях преступления / А.П. Козлов. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. – С. 311–312; Панько, К.А. Добровольный отказ от преступления по советскому уголовному праву / К.А. Панько. – Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1975. – С. 6–8.

что такое деление, являясь условным, осуществляется лишь для более детального изучения добровольного отказа от преступления и применения исследуемого понятия на практике¹.

Некоторые исследователи идут по пути выделения не признаков, а «условий добровольного отказа от преступления»², «условий правомерности добровольного отказа от доведения преступления до конца»³, «условий освобождения от уголовной ответственности»⁴ при добровольном отказе.

Мы согласимся с теми авторами, которые характеризуют добровольный отказ следующими признаками: 1) объективное прекращение совершения умышленного преступления; 2) добровольность; 3) окончательность; 4) своевременность⁵.

Признак объективного прекращения совершения умышленного преступления предполагает остановку совершения деяния, т. е. недоведение преступной деятельности до конца. Добровольный отказ от преступления может иметь место лишь при начатой преступной деятельности, т. е. в случаях, когда лицо уже совершило какие-либо действия (бездействие), направленные на достижение преступного результата, но затем прекратило посягательство. Ситуации, в которых лицо только обдумывало и принимало решение о совершении преступления, но потом отказалось от своего намерения, не подлежат уголовно-правовому регулированию. Поэтому представляется ошибочным признание в качестве разновидности добровольного отказа от реализации обнаружившегося умысла.

¹ Ключев, А.А. Добровольный отказ от совершения преступления / А.А. Ключев. – СПб.: Изд-во профессора Малинина, 2006. – С. 360.

² Сверчков, В.В. Освобождение от уголовной ответственности, прекращение уголовного дела (преследования), отказ в его возбуждении: проблемы теории и практики / В.В. Сверчков. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2008. – С. 428.

³ Звечаровский, И.Э. Добровольный отказ от доведения преступления до конца / И.Э. Звечаровский. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2008. – С. 47.

⁴ Уголовное право: Общая часть: учебник / под. ред. И.Я. Козаченко. – М.: Норма, 1997. – С. 225.

⁵ Дронова, Т.Н. Понятие и признаки добровольного отказа от преступления / Т.Н. Дронова // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. – 2011. – № 9. – С. 123.

Раскрывая такой признак как добровольность, следует отметить, что составной его частью выступает осознание лицом возможности доведения преступления до конца. Только при наличии осознания, правильно будет говорить о свободно сформировавшейся воле лица на отказ от совершения преступления.

По мнению некоторых ученых, с которым мы согласны, добровольность означает, что лицо, прежде всего, по своей воле (так как именно воля человека является действенной стороной его сознания), благодаря такому сознанию психическая деятельность человека влияет на практическую. Под влиянием волевых процессов субъект может активизировать свою деятельность и, преодолев трудности, добиться ее завершения, т. е. совершить оконченное преступление. Но он же, благодаря воле, может и удержаться от совершения определенных действий, даже если они начаты, либо дать им иное направление, так как волевое торможение деятельности – важное свойство личности¹.

Приступая к совершению преступного деяния, лицо под влиянием определенных мотивов может прекратить начатую деятельность, сознавая, что это происходит именно благодаря его воле, и оно направляет свои действия, либо, напротив, не совершает действий на ее прекращение. В конечном счете, все это свидетельствует об исчезновении или подавлении у него ранее сформировавшегося намерения совершить преступление. Следовательно, прекращение по собственной воле начатой преступной деятельности и не доведение ее до конца, характеризуется наличием у лица твердой уверенности в необходимости самому добровольно отказаться от своего замысла.

При этом для наличия признака добровольности необходимо, чтобы лицо прекратило преступление, осознавая возможность его доведения до конца.

По нашему мнению, осознание возможности доведения преступления до

¹ Луков, Г.Д. Психология / Г.Д. Луков, В.К. Платов. – М.: Воениздат, 1964. – С. 320.

конца является обязательной составляющей добровольности, так как только на основании наличия или отсутствия такого осознания можно установить добровольность отказа. Поскольку волевые и интеллектуальные признаки во взаимосвязи образуют единый психический процесс (в нашем случае это соответствующее психическое отношение лица к прекращению преступления), невозможно определить наличие признака добровольности посредством указания лишь на волевое усилие лица, направленное на прекращение преступления, без учета факта осознания им возможности довести преступную деятельность до конца. Если из содержания признака добровольности изъять положение об осознании возможности доведения преступления до конца, то оно не будет в полной мере отражать действительную сущность признака, поскольку добровольность оценить будет уже нельзя.

При установлении добровольности отказа необходимо основываться на анализе объективного (наличие внешних обстоятельств, обуславливающих возможность доведения преступления до конца) и субъективного (осознание лицом возможности доведения преступления до конца) критериев в совокупности, при определяющем значении последнего.

Весьма значимым и в то же время дискуссионным является вопрос о влиянии препятствий к доведению преступления до конца на волеизъявление лица. Эти препятствия в зависимости от характера их влияния на волеизъявление лица некоторыми авторами условно разделяются на непреодолимые и затрудняющие¹.

Непреодолимыми считаются препятствия, которые вопреки воле лица исключают возможность завершения преступления, т. е. в таких случаях преступное деяние объективно не способно далее развиваться во времени и пространстве. Согласимся, что объективная невозможность дальнейшего

¹ Применение положений закона о добровольном отказе от совершения преступлений в практике деятельности исправительно-трудовых учреждений / под ред. С.Р. Рыспаева. – Фрунзе: МВД Киргизской ССР, 1978. – С. 9.

осуществления преступления может быть выявлена в результате анализа причинно-следственных связей¹. Определенную значимость приобретает здесь и установление отношения к такого рода обстоятельствам самого лица. Итак, в случае возникновения непреодолимых препятствий при осознании лицом невозможности продолжения преступной деятельности отказ всегда будет вынужденным, поскольку исключается свободное волеизъявление лица.

Особую сложность представляет разрешение вопроса о наличии добровольного отказа от преступления при появлении препятствий, которые лишь затрудняют продолжение преступления. Такие препятствия возникают в процессе совершения преступной деятельности как непредвиденные и оказывают, несомненно, определенное, и порой весьма существенное воздействие на поведение лица. Причем объективно эти препятствия могут быть преодолены. Встает вопрос о квалификации деяния, если в указанной ситуации лицо отказывается от доведения преступления до конца.

В литературе обоснованно обращается внимание на то, что при разрешении проблемы характера отказа в рассматриваемых случаях необходимо учитывать, что всякое волевое поведение, в том числе и преступное, всегда связано с преодолением больших или меньших трудностей, как внешних, так и внутренних препятствий, в связи с чем приходится совершать волевые усилия. В данном случае речь идет не просто о поведенческом акте, а о преступлении, причем умышленном. Виновный сознательно идет на противостояние закону и другим людям. Представляется, что при появлении затрудняющих препятствий лицо осознает реальную возможность их преодоления и завершения преступления, сохраняет свободу воли (в противном случае препятствие будет непреодолимым), поэтому отказ в таких случаях должен признаваться добровольным.

¹ Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М.: Азбуковник, 1999. – С. 11.

Полагаем, что и при решении вопроса о добровольности отказа в случаях, когда лицо во время совершения преступления узнает, что ему грозит реальная опасность задержания, необходимо исходить из наличия осознания лицом возможности доведения преступления до конца, а также его собственного волеизъявления на прекращение преступной деятельности. Таким образом, если субъект осознает реальную возможность задержания при продолжении им преступной деятельности, возникшее обстоятельство не позволяет ему, с его точки зрения, довести преступление до конца (например, недоведение до конца кражи по причине появления на складе сторожа), добровольного отказа в такой ситуации не будет. Конечно, завершить тайное хищение лицу в указанном случае не удастся, но вполне возможно, преступник согласен на перерастание кражи в грабеж или разбой. Как тогда оценить характер отказа от преступления со стороны этого лица? Допустим, лицо начинает совершать кражу, но на каком-то этапе понимает, что будет обнаружено, осознавая при этом как возможность продолжить хищение, но уже открыто, так и прекратить преступную деятельность. В итоге оно отказывается от доведения преступления до конца. Представляется, что такой отказ все-таки нельзя признать добровольным, поскольку лицо осознавало возможность продолжения, не начатого им преступления (кражи), а уже другого правонарушения (грабежа), т. е. добровольность отказа от кражи уже исключается.

Если же лицо осознает, что оно может завершить преступное деяние, даже при условии, что его могут застать на месте преступления, и оставляет преступную деятельность, то это должно рассматриваться как добровольный отказ от преступления.

Общепризнанным в уголовно-правовой теории является положение о том, что для признания отказа добровольным мотивы не имеют значения. Необходимо только, чтобы мотивация не устраняла понимания лицом своей способности завершить преступление. Несмотря на то, что в смысле

уголовно-правовой значимости все мотивы равны, их установление в процессе расследования и рассмотрения уголовного дела в суде обязательно. Поскольку под влиянием мотивов выявляется направленность и характер поведения лица, только их анализ зачастую позволяет определить добровольность или вынужденность отказа, его окончательность.

В подтверждении сказанного относительно добровольности отказа приведем пример из судебной практики.

Органами предварительного следствия А.В. Искандаряну предъявлено обвинение в том, что он, отбывая наказание, получив по телефону от лица, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство, предложение приискать за денежное вознаграждение исполнителей убийства по найму, К.

А.В. Искандарян за денежное вознаграждение, действуя умышленно, из корыстных побуждений, содействуя приготовлению к убийству по найму К., приискал в качестве соучастника этого преступления другое лицо, отбывающее наказание в том же учреждении, которого путём уговоров и подкупа склонил к приисканию последним, за денежное вознаграждение исполнителя убийства по найму К. за денежное вознаграждение, самостоятельно увеличив сумму вознаграждения за убийство.

После того, как исполнитель убийства был найден А.В. Искандарян попросил своего знакомого Н., не ставя его в известность о преступном умысле, за денежное вознаграждение получить от лица, в отношении которого дело выделено в отдельное производство, запечатанный конверт со сведениями о К. и денежные средства, после чего передать конверт и часть денежных средств неустановленному мужчине, который в последующем должен был передать конверт и денежные средства непосредственно исполнителю убийства. Н. исполнил просьбу А.В. Искандаряна.

В период с 14 по 26 июля 2011 года, получив от другого лица, приискавшего исполнителя убийства К. информацию, что исполнителем

убийства утерян конверт с информацией о К. и что её необходимо получить повторно, он по телефону передал указанную информацию лицу, проживающему в отношении, которого дело выделено в отдельное производство. После чего А.В. Искандарян получил от этого лица, с его электронного почтового ящика на свой электронный почтовый ящик электронное письмо с информацией о месте жительства потерпевшего, с приложением фрагмента карты с отметкой расположения дома К. и схемы его места жительства с указанием близлежащих улиц, и подъезда, в котором он проживает, а также маркой и номером его автомашины.

После чего, в тот же день А.В. Искандарян предоставил указанную информацию другому лицу, приискавшему исполнителя убийства, однако последний сообщил, что указанная информация исполнителю убийства не требуется, так как тот по телефону сообщил, что нашёл конверт с информацией о потерпевшем и уже находится во дворе дома, в котором проживает К. и, что убийство последнего намечено на утро 27.07.2011 г.

Однако, преступление не было доведено им до конца, по независящим от него обстоятельствам, в связи с отказом исполнителя убийства от совершения убийства К. и своевременным предотвращением совершения убийства К. сотрудниками правоохранительных органов.

Указанные действия А.В. Искандаряна органами предварительного следствия квалифицированы по ч.ч. 4, 5 ст. 33, ч. 1 ст. 30 и п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ, как совершение пособничества в приготовлении к убийству, то есть в приискании средств и соучастников умышленного причинения смерти К., по найму, то есть содействие совершению этого преступления предоставлением информации и средств совершения преступления, и подстрекательства, то есть склонение другого лица к совершению этого преступления путём уговора и подкупа, при этом преступление не было доведено до конца по независящим от него обстоятельствам.

В судебном заседании подсудимый А.В.Искандарян согласился с предъявленным ему обвинением, показал, что он действительно в начале июля 2011 года по предложению своей сестры И. предложил А. найти исполнителя убийства К., проживающего. А. согласился и через некоторое время сообщил, что это может сделать М.. Он созвонился с сестрой, и они договорились, что деньги и информацию о потерпевшем М. передаст его знакомый Н., которого он не посвящал в суть дела, просто позвонил и попросил съездить в город, где проживает потерпевший. После этого А. сообщил, что М. получил деньги и конверт с информацией о потерпевшем, и они стали ждать, когда всё произойдёт. Потом А. сообщил, что М. потерял конверт, и он попросил сестру прислать сведения о потерпевшем на его электронный адрес, что сестра и сделала. Но эти сведения не понадобились, так как в тот день А. сказал, что М. нашёл конверт и он уже возле дома потерпевшего, и что исполнение убийства назначено на 6 часов утра 27.07.2011 г.

Около часа ночи 27.07.2011 г. его вызвали в оперативное отделение колонии, куда в это время приехали сотрудники уголовного розыска, главным среди которых был П., которые сначала разговаривали с А., потом его завели в другой кабинет и сообщили, что А. всё рассказал, кроме адреса потерпевшего. Оперативники предложили во всём сознаться и назвать адрес, где должно было быть совершено убийство. У него было два выхода сознаться и назвать адрес и тогда они бы смогли предотвратить убийство и задержать М. на месте происшествия, или молчать и тогда К. бы убили. Он, не сразу, так как понимал, что его сестру тоже привлекут к ответственности, а также боялся действий со стороны М., но сам сделал выбор. Он решил, что не хочет, чтобы на нём была чья-то смерть, и назвал адрес потерпевшего. После этого оперативные сотрудники подходили к нему уточняли, правильно ли он назвал адрес. Он им ответил, что данная информация есть у него на электронном адресе в почтовом ящике. Он попросил принести его телефон,

указав, где он спрятан. Когда ему принесли телефон, он сам ввёл логин и пароль, и на экране появилась вся информация о потерпевшем: адрес, марка и номер машины. Спустя некоторое время оперативные сотрудники сообщили, что М. задержан с двумя соучастниками. В содеянном он раскаивается, считает, что если бы он не назвал оперативным сотрудникам адрес потерпевшего, то они бы не смогли предотвратить убийство, назначенное на 6 утра 27.07.2011 г.

Как считал государственный обвинитель, в действиях А.В. Искандаряна, отсутствуют признаки добровольного отказа от преступления, а именно признак добровольности, поскольку Искандарян сам не предпринимал никаких действий, что следует из его показаний о том, что после того, как они с А. выполнили свои действия, он стали ждать, когда произойдёт убийство. Искандарян сообщил место, где должно было произойти убийство и сведения о потерпевшем, только после того, как к нему пришли сотрудники правоохранительных органов и предъявили имеющуюся у них информацию. Изменение поведения Искандаряна было вызвано не его желанием предотвратить преступление, а вмешательством третьих лиц, правоохранительных органов. Поэтому эти действия Искандаряна, следует отнести к деятельному раскаянию, выразившемуся в активном способствовании раскрытию преступления.

Согласно ч. ч. 1,2 ст. 31 УК РФ добровольным отказом от преступления признаётся прекращение лицом приготовления к преступлению либо прекращение действий(бездействия) непосредственно направленных на совершение преступления, если лицо осознавало возможность доведения преступления до конца. Лицо не подлежит уголовной ответственности за преступление, если оно добровольно и окончательно отказалось от доведения этого преступления до конца.

Из указанных положений закона следует, что добровольным отказ от преступления может быть признан при наличии признаков добровольности и

окончательности отказа, и при условии осознания лицом возможности доведения преступления до конца. Добровольность означает, что решение об отказе от совершения преступления лицо должно принять осознанно, без какого-либо принуждения, по своей воле.

Оценивая указанные доводы обвинения, суд приходит к следующим выводам.

Доводы обвинения о том, что А.В. Искандарян сам не предпринимал никаких действий, что сообщил место совершения преступления и сведения о потерпевшем не из желания предотвратить преступление, а в результате вмешательства правоохранительных органов, суд считает несостоятельными.

При таких обстоятельствах, учитывая, что ст. 31 УК РФ не содержит требования о том, что при отказе лица от преступления инициатива в этом обязательно должна исходить от самого лица, суд приходит к выводу, что факт сообщения Искандаряном необходимых правоохранительным органам сведений после предложения ими сотрудничества, то есть по инициативе третьих лиц, не исключает, того, что Искандарян по своей воле пришёл к решению сообщить требуемую от него информацию.

Довод обвинения, в части того, что Искандарян сообщил сведения не из желания предотвратить убийство, а из-за вмешательства правоохранительных органов, опровергается показаниями Искандаряна о том, что он принял решение назвать адрес потерпевшего, не желая, чтобы на нём была чья-то смерть, которые по делу ничем не опровергнуты.

Кроме того, как установлено в судебном заседании, цель вмешательства правоохранительных органов – предотвратить убийство, была достигнута после получения информации от Искандаряна.

Довод обвинения о том, что Искандарян сообщил адрес потерпевшего и номер его автомобиля, под давлением предъявленной ему правоохранительными органами информации о готовящемся убийстве, и тем

самым принудили его к этому, не может быть принят судом по следующим основаниям.

В судебном заседании установлено, что информация, явившаяся, по мнению обвинения, средством принуждения Искандаряна, в результате чего он, сообщил место совершения убийства и сведения о потерпевшем, сводилась к тому, что сотрудникам уголовного розыска было известно о причастности Искандаряна к готовящемуся убийству, фамилия и номер телефона одного из исполнителей убийства, а также, что убийство должно быть совершено в 6 часов утра 27.07.2011 г., а также, что беседа сотрудников уголовного розыска с Искандаряном имела место около двух часов 27.07.2011 г.

С учётом этого, суд приходит к выводу, что информация, которой располагали правоохранительные органы, не являлась достаточной для предотвращения убийства путём задержания исполнителей убийства.

Из чего, также следует вывод, что сведения о готовящемся убийстве, которыми располагали сотрудники уголовного розыска, объективно не являлись для Искандаряна препятствием для продолжения им своего преступного бездействия, следовательно, не носили характер принуждения.

О чём также свидетельствуют показания свидетеля К., что установить местонахождение исполнителей убийства в ночь с 26 на 27.07.2011 г. не представилось возможным, и действия сотрудников уголовного розыска, предложивших Искандаряну сотрудничество в целях получения от него сведений о месте совершения убийства.

Принимая во внимание показания Искандаряна о том, что после того, как работники уголовного розыска предложили ему назвать адрес потерпевшего, он понимал, что, если он не назовёт адрес, то убийство К. будет совершено, и факт, что убийство К. было предотвращено после получения информации от Искандаряна, суд приходит к выводу, что решение Искандаряна сообщить требуемую от него информацию, было принято им осознанно, без какого-

либо принуждения, по своей воле, так как он сохранял свободу выбора, сообщать требуемую от него информацию или нет.

При этом суд учитывает, что по смыслу закона для квалификации действий Искандаряна не имеет значения, существовала ли в действительности возможность доведения преступления исполнителем до конца.

Приходя к выводу, что Искандарян, сообщая требуемую от него информацию, действовал без принуждения, и при этом осознавал возможность доведения преступления исполнителем до конца, суд также учитывает, что мотив, которым руководствовался Искандарян, а именно, нежелание, чтобы на нём была чья-то смерть, по смыслу закона не имеющий значения для квалификации действий Искандаряна, в сочетании с осознанием Искандаряном возможности доведения преступления до конца, также свидетельствует о добровольности его действий по сообщению правоохранительным органам требуемой от него информации.

Довод обвинения о том, что действия Искандаряна, сообщившего сотрудникам уголовного розыска о месте совершения убийства и сведения о потерпевшем, следует отнести к деятельному раскаянию, не может быть принят судом, поскольку деятельное раскаяние может иметь место только после окончания преступления, а как следует из обвинения, на момент сообщения Искандаряном указанных сведений убийство не было совершено.

Согласно ч. 4 ст. 31 УК РФ организатор преступления и подстрекатель к преступлению не подлежат уголовной ответственности, если эти лица своевременным сообщением органам власти или иными предпринятыми мерами предотвратили доведение преступления исполнителем до конца. Пособник преступления не подлежит уголовной ответственности, если он предпринял все зависящие от него меры, чтобы предотвратить совершение преступления.

Из указанных требований закона следует, что особенностью добровольного отказа подстрекателя к преступлению заключаются в том, что его своевременное сообщение органам власти должно привести к предотвращению доведения преступления исполнителем до конца.

Для пособника преступления, такой особенностью является то, что он должен предпринять все зависящие от него меры, чтобы предотвратить преступление, при этом, поскольку Искандарян, как пособник, уже выполнил свою функцию пособника преступления, то есть передал исполнителям убийства информацию о потерпевшем, такими мерами для него, должны быть только активные действия, направленные на ликвидацию созданной им возможности совершения убийства. Кроме того, в связи с выполнением Искандаряном функции пособника преступления, предпринятые Искандаряном меры, также должны привести к предотвращению убийства.

Как следует из обвинения для Искандаряна, как подстрекателя и пособника, созданием им возможности совершения преступления выражалась в том, что он подыскал соучастника преступления и предоставил исполнителям убийства информацию о потерпевшем.

Устранение созданной Искандаряном возможности совершения убийства К., могло выражаться только в его активных действиях. При указанных обстоятельствах формой его активных действий могло быть сообщение им органам власти информации, которая позволяла бы предотвратить совершение исполнителем убийства.

Как установил суд предпринятые Искандаряном меры к предотвращению доведения убийства исполнителем до конца, выразившиеся в сообщении правоохранительным органам места совершения преступления и сведений о потерпевшем, привели к предотвращению убийства К., путём предупреждения правоохранительными органами К. о готовящемся покушении, а также, в последующем, задержания исполнителей убийства.

Указанное сообщение и принятые Искандаряном меры по предотвращению совершения исполнителями убийства, были своевременными, поскольку это привело к предотвращению совершения убийства К., а также окончательными, так как участие Искандаряна в приготовлении к убийству выражалось в пособничестве и подстрекательстве, которые он выполнил, и его дальнейшая преступная деятельность по доведению преступления исполнителем до конца выражалась в преступном бездействии, которое он прекратил до начала действий исполнителя убийства.

При таких обстоятельствах суд признал, что в действиях Искандаряна усматривается добровольный отказ от преступления и как подстрекателя, поскольку его активные действия, выразившиеся в своевременном сообщении органам власти сведений о месте убийства и сведений о потерпевшем привели к предотвращению доведения убийства исполнителем до конца, и как пособника, поскольку он, сообщив органам власти место совершения убийства и сведения о потерпевшем, предпринял все зависящие от него меры, чтобы предотвратить преступление, что привело к предотвращению совершения исполнителями убийства.

Поскольку Искандарян добровольно и окончательно отказался от доведения преступления до конца суд решил, что он в соответствии со ст. 31 УК РФ, не подлежит уголовной ответственности по ч. ч. 4, 5 ст. 33, ч. 1 ст. 30 и п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ, в связи с отсутствием в его действиях состава этого преступления¹.

Окончателность отказа означает, что лицо прекращает начатое преступление полностью, навсегда, а не приостанавливает его на какое-то время. При этом признак окончательности распространяется только на совершаемое (начатое) преступление, а не на последующую преступную деятельность вообще. Считаем, что для установления отсутствия признака

¹ Дело № 2-50/2012 ... из архива Ленинградского областного суда за 2012 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.oblsud.lo.sudrf.ru

окончательности отказа причины временного прерывания преступного деяния не имеют значения. Поэтому мы не можем поддержать суждения о том, что в таких случаях лицо на время приостанавливает совершение преступления по не зависящим от него обстоятельствам¹.

Признак окончательности будет отсутствовать в ситуациях, когда лицо отказывается от повторной попытки совершения преступления, так как первоначальная попытка оказалась неудачной. Поскольку недоведение преступления до конца при первоначальной попытке связано с обстоятельствами, не зависящими от воли виновного (и не является результатом усилий самого виновного), такое деяние следует рассматривать как покушение на преступление. Добровольный же отказ от повторного преступного посягательства может учитываться судом при назначении наказания за уже совершенное посягательство.

Существует мнение, что признак окончательности отказа от преступной деятельности не является обязательным признаком добровольного отказа. Так, А.П. Козлов, определяет его как общий, родовый признак по отношению к неоконченному преступлению в целом, и соответственно для каждого его вида². Такая точка зрения автора неприемлема хотя бы потому, что, несмотря на некоторое внешнее сходство (в обоих случаях преступная деятельность прерывается), добровольный отказ от преступления не считается разновидностью неоконченного преступления, и включение указанных институтов в главу о неоконченных преступлениях УК РФ является следствием несовершенства законодательства. Поэтому позиция А.П. Козлова, пытавшегося построить собственные доводы на указанные обстоятельства, не оправданна. Кроме того, в той же работе автор указывает, что добровольный отказ будет иметь место тогда, когда он окончателен, т. е. лицо прекратило преступную деятельность не для поисков более

¹ Здравомыслов, Б.В. Стадии совершения умышленного преступления / Б.В. Здравомыслов. – М.: Госюриздат, 1960. – С. 29.

² Козлов, А.П. Указ.соч. – С. 311–312.

эффективных путей достижения преступного результата, а с тем, чтобы к данной конкретной преступной деятельности больше не возвращаться.

Признак своевременности заключается в том, что добровольный отказ возможен только до окончания преступного деяния (имеется в виду не фактический, а юридический момент окончания преступления), т. е. на подготовительной стадии или стадии исполнения преступления. Необходимо уточнить, что добровольный отказ должен быть осуществлен и до возникновения обстоятельств, препятствующих доведению преступления до конца¹.

Правда, не все так просто, как кажется на первый взгляд. Полезно в этой связи рассмотреть некоторые примеры из практики. Некто Е., встретив в темное время суток С., напал на нее, повалил на землю и начал с применением насилия раздевать. Когда по вблизи расположенному шоссе проезжала автомашина и осветила их фарами, Е. с места происшествия скрылся. На предварительном следствии возник спор о том, как оценивать действия Е.: покушение на изнасилование или как добровольный отказ. Пока спорили, находившийся на свободе Е. вновь совершил аналогичное деяние в отношении другой женщины и опять-таки по причине сходных обстоятельств не довел его до конца. Судебные инстанции не усмотрели добровольного отказа ни по одному эпизоду; Е. был признан виновным в покушениях на изнасилование и осужден.

По другому делу имела место следующая ситуация. Двое молодых людей распивали спиртные напитки в лесу. Увидев Х., договорились ее изнасиловать. С этой целью схватили Х. с двух сторон за руки и потащили через дорогу в лес, порвав при этом на ней одежду. Однако испугавшись шума проезжавшей мимо автомашины, бросили потерпевшую и скрылись в лесу. На предварительном следствии защитой также ставился вопрос о наличии добровольного отказа, с чем суд не согласился, признав этих лиц

¹Шакирова, А.А. Добровольный отказ от преступления соучастников: дис. ... канд. юрид. наук / А.А. Шакирова. – Красноярск, 2006. – С. 29.

виновными в покушении на изнасилование. Тем не менее, при рассмотрении дела в кассационном порядке областной суд все-таки признал наличие добровольного отказа.

Как видим, двум однородным деяниям, совершенным вроде бы при сходных обстоятельствах, судебными инстанциями даны противоположные оценки. Уместно отметить, что в приведенных примерах виновные осознавали возможность доведения преступления до конца, если бы проявили больше настойчивости в реализации преступного умысла. Однако, восприняв и оценив привходящие извне обстоятельства как способные существенным образом затруднить дальнейшую реализацию преступного умысла и решив не искушать судьбу, они оставляли потерпевших и покидали место происшествия. Если оценивать ситуации без учета внутренних мотивов поведения виновных, можно констатировать наличие добровольного отказа. Но если углубиться в анализ психологических причин такого поведения, то со всей очевидностью можно заключить, что оно вызвано чисто внешними, не зависящими от этих лиц обстоятельствами, о которых говорится в ч. 3 ст. 30 УК РФ, т. е. имело место покушение на преступление. Лицо в силу обстоятельств было вынуждено отказаться от доведения преступления до конца¹.

Нельзя не упомянуть и о важности стимулирования предотвращения лицом последствий своей общественно опасной деятельности в ситуациях, когда им выполнены все необходимые для этого действия (бездействие). Поддерживая по этому вопросу рассуждения А.П. Козлова², отметим, что в таких случаях недопущение наступления преступного результата становится особо значимым, поэтому вряд ли будет обоснованным с точки зрения социально-правового назначения института добровольного отказа от преступления не признавать возможность такового, когда лицо может

¹ Селезнев, М. Неоконченное преступление и добровольный отказ / М. Селезнев. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.juristlib.ru

²Козлов, А.П. Указ.соч. – С. 314.

вмешаться в развитие явлений, вызванных его поведением, с целью его прекратить.

В некоторых случаях, судебная практика придерживается обозначенной позиции и признает добровольный отказ в деянии подсудимого, когда он выполнил всю объективную сторону состава преступления.

Так, приговором Серебряно-Прудского районного суда Московской области от 30 июля 2008 г. О.А.С., ранее судимый, осужден (с учетом изменений в порядке ст. 10 УК РФ) по ч. 1 ст. 226 УК РФ (по эпизоду хищения охотничьего ружья марки ИЖ Б–47 № К 2360 и 4 патронов 12 калибра) к 3 годам лишения свободы, по ч. 1 ст. 226 УК РФ (по эпизоду хищения охотничьего ружья ИЖ–27 ЕМ № 9152212) к 3 годам лишения свободы, по п. «а» ч. 1 ст. 213 УК РФ к 3 годам лишения свободы, по п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ к 1 году 11 месяцев лишения свободы. На основании ч. 3 ст. 69 УК РФ по совокупности преступлений назначено 8 лет 10 месяцев лишения свободы с отбыванием наказания в исправительной колонии строго режима.

Кассационной инстанцией приговор суда оставлен без изменения.

Президиум Московского областного суда изменил судебные решения, указав следующее.

Действия О.А.С. по эпизоду хищения охотничьего ружья марки ИЖ Б–47 № 2360 и 4 патронов 12 калибра квалифицированы судом по ч. 1 ст. 226 УК РФ.

Между тем, суд установил, что О.А.С., совершив тайное хищение названного ружья, вышел в подъезд дома, где попытался собрать его, однако не смог. После этого он вернулся в квартиру П., поставив ружье на место и взял другое, с которым скрылся с места преступления.

После незаконного завладения ружья марки ИЖ Б–47 № 2360, имея реальную возможность им распорядиться по своему усмотрению, О.А.С. вернул его на прежнее место.

Президиум исключил указания о хищении осужденным охотничьего ружья марки ИЖ Б–47 № 2360, назначенное О.А.С. наказание по преступлению, предусмотренному ч. 1 ст. 226 УК РФ, с применением ст. 64 УК РФ снизил до 2 лет 6 месяцев лишения свободы¹.

Однако, справедливости ради отметим, что такое решения является беспрецедентным, в связи с тем, что вступает в противоречие с законом и разъяснениями высших судебных инстанций.

В соответствии с п. 6 Постановления Пленума ВС РФ «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» кража и грабеж считаются оконченными, если имущество изъято и виновный имеет реальную возможность им пользоваться или распоряжаться по своему усмотрению (например, обратить похищенное имущество в свою пользу или в пользу других лиц, распорядиться им с корыстной целью иным образом)².

Как видно из приведенного выше примера преступление было окончено, в свою очередь в соответствии со ст. 31 УК РФ добровольный отказ возможен только при неоконченном преступлении.

В большинстве случаев судебная практика согласуется с законодательством и в решениях указано на то, что добровольный отказ возможен на стадии приготовления либо неоконченного покушения³.

В уголовно-правовой литературе о допустимости добровольного отказа при совершении лицом всех действий (бездействия), непосредственно направленных на исполнение преступления, зачастую говорится применительно к преступлениям с материальным составом. Вместе с тем представляется, что таковой возможен и в преступлениях с формальным составом (например, лицо (взятодатель) вначале оставляет в кабинете должностного лица (взятополучателя) по договоренности с ним конверт с

¹ Постановление Президиума № 228 от 13.07.2011 // Бюллетень судебной практики Московского областного суда. – 2011.

² Постановление Пленума ВС РФ «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» от 27.12.2002 № 29 // Российская газета. – 2003. – № 9.

³ Дело № 1-9/2011 ... из архива Ленинского районного суда г. Екатеринбурга за 2011 г.

деньгами, но затем возвращается и забирает его).

Принимая во внимание имеющиеся в уголовно-правовой теории разногласия по рассматриваемому вопросу, в целях формирования единообразного правоприменения законодательных положений о добровольном отказе от преступления считаем целесообразным разработать и закрепить новое понятие добровольного отказа.

Далее, вопрос о последствиях добровольного отказа мы решили рассмотреть во взаимосвязи с его правовой природой.

Необходимость совместного рассмотрения вопросов о правовой природе добровольного отказа и его юридических последствиях обусловлена тем, что юридические последствия добровольного отказа неизбежно определяются причиной их возникновения, каковой является сам добровольный отказ, его правовая сущность.

В ст. 16 УК РСФСР 1960 г.¹ вопрос о юридических последствиях добровольного отказа должным образом урегулирован не был, поскольку данной нормой было установлено только правило согласно которому лицо, добровольно отказавшееся от доведения преступления до конца, подлежит уголовной ответственности лишь в том случае, если фактически совершенное им деяние содержит состав иного преступления. Вопрос о том, каковы юридические последствия добровольного отказа в случае, если в деянии добровольно отказавшегося от преступления лица нет состава иного преступления, оставался открытым и рассматривался лишь в теории уголовного права, при том неоднозначно.

Не разрешил данной проблемы и ныне действующий УК РФ. Формулировка «не подлежит уголовной ответственности», указанная в ст. 31 УК РФ встречается достаточно редко – ст. ст. 21, 31, примечания к ст. ст. 308 и 316 УК РФ. В иных случаях УК РФ либо устанавливает освобождение от уголовной ответственности (глава 11, примечания к ст. ст. 127.1, 204, 206,

¹ Уголовный Кодекс РСФСР 1960 г. // Ведомости ВС РСФСР. – 1960. – № 40. – С. 591.

208, 210, 222, 228, 275, 282.1, 282.2, 291, 307 УК РФ).

Таким образом, анализ ч. 2 ст. 31 УК РФ не позволяет однозначно установить природу добровольного отказа как деяния и уголовно-правовой характер его последствий, а именно:

1 является ли деяние лица, добровольно отказавшегося от доведения преступления до конца, преступным, но в силу особого условия – добровольного отказа от преступления – влекущим освобождение от уголовной ответственности;

2 является ли это деяние правомерным, вследствие чего оно не порождает последствий в виде уголовной ответственности;

3 либо добровольный отказ от преступления является особым деянием, пограничным между правовым поведением и преступлением, в связи с чем имеет особые правовые последствия.

Особо отметим, что правовые последствия в виде освобождения от уголовной ответственности рассматриваются нами лишь как последствия деяния, содержащего в себе все признаки состава преступления. Как справедливо считает С.Г. Келина, «вопрос о возможности освобождения конкретного лица от уголовной ответственности за содеянное встает только в случае, если это лицо совершило деяние, являющееся преступлением»¹. Аналогичной позиции придерживаются и другие ученые².

Существующие в настоящее время в уголовно-правовой науке подходы относительно правовой природы и юридических последствий добровольного отказа можно условно классифицировать следующим образом:

1) добровольный отказ как деяние в целом преступно, однако законодатель в качестве поощрения к не доведению преступления до конца предусматривает последствия в виде освобождения от уголовной

¹ Келина, С.Г. Теоретические вопросы освобождения от уголовной ответственности / С.Г. Келина. – М.: Наука, 1974. – С. 7.

² Брайнин, Я.М. Уголовная ответственность и ее основания в советском уголовном праве / Я.М. Брайнин. – М.: Юрид. лит., 1963. – С. 223; Смирнов, В.Г. Функции советского уголовного права / В.Г. Смирнов. – Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1965. – С. 116.

ответственности¹;

2) добровольный отказ исключает уголовную ответственность, поскольку:

а) отсутствует общественная опасность лица, отказавшегося от доведения преступления до конца²;

б) исключается общественная опасность деяния либо как деяния, так и субъекта;

в) нет состава преступления, так как при добровольном отказе прекращается осуществление как объективной, так и субъективной стороны³.

Преобладает в настоящее время позиция, в соответствии с которой при добровольном отказе от преступления совершенное деяние не содержит состава преступления⁴. При этом сюда же, на наш взгляд, можно отнести позицию авторов, прямо не указывающих на отсутствие состава преступления при добровольном отказе, однако, исключаящих при добровольном отказе общественную опасность посягательства. Данная точка зрения полностью поддерживается судебной практикой, где в случае признания в действиях (бездействии) лица добровольного отказа от преступления, уголовное дело подлежит прекращению по п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ ввиду отсутствия в деянии состава преступления.

Допуская, что любым преступным посягательством, в том числе и по любой причине не завершенным, причиняется вред охраняемым уголовным законом общественным отношениям, не будем подробно останавливаться на объекте преступления как обязательном элементе состава преступления.

Также не оправдывает цели исследования обозначенной проблемы

¹ Гринь, М.В. Неоконченное преступление: автореферат дис. ... канд. юрид. наук / М.В. Гринь. – Краснодар, 2003. – С. 6; Кругликов, Л.Л. Дифференциация ответственности в уголовном праве / Л.Л. Кругликов, А.В. Василевский. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. – С. 107.

² Антонов, А.Г. Деятельное раскаяние / А.Г. Антонов. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2002. – С. 117.

³ Курс советского уголовного права / под ред. Н.А. Беляева, М.Д. Шаргородского. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1968. – С. 577.

⁴ Курс уголовного права. Общая часть. Т. 1: Учение о преступлении / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. – М.: Зерцало, 1999. – с. 377; Уголовное право России. Т.1. Общая часть / под ред. А.И. Игнатова, Ю.А. Красикова. – М.: Филинь, 1999. – С. 223.

рассмотрение вопроса о субъекте преступления. Поскольку нами разделяется общепризнанный в теории уголовного права вывод об отсутствии в деянии лица состава преступления в том случае, если отсутствует хотя бы один элемент состава, единственным элементом состава преступления, необходимым для решения вопроса о наличии либо отсутствии в деянии добровольного отказавшегося от преступления лица состава преступления является, таким образом, установление при наличии объективной стороны наличия либо отсутствия субъективной стороны.

Субъективная сторона представляет собой психическое отношение лица к совершаемому им общественно опасному деянию, характеризующееся виной, мотивом, целью и эмоциями¹.

Учитывая, что мотив и цель являются факультативными признаками субъективной стороны преступления, а эмоции имеют значение для квалификации лишь в нескольких исключительных случаях (ст. 106, ст. 107, ст. 113 УК РФ), особо следует остановиться на обязательном признаке субъективной стороны преступления – вине.

В философском понимании вина – то, что достойно упрека, внутренняя причина которого заключена в том, что человек предопределен к свободному, ответственному, нравственному самоопределению и поэтому обладает способностью решать справедливо, выступая против несправедливого и избегая того, что запрещено. Побуждение поступать неправильно может овладеть человеком, способным к правильному действию, в том случае, если он не знает запретительных норм или недооценивает их.

¹ Шавгулидзе, Т.Г. Уголовно-правовое значение аффекта / Т.Г. Шавгулидзе. – М.: МГУ, 1974. – С. 18; Демидов, Ю.А. Социальная ценность и оценка в уголовном праве / Ю.А. Демидов. – М.: Юрид. лит., 1975. – С. 117; Малков, В.П. Субъективные основания уголовной ответственности / В.П. Малков // Государство и право. – 2001. – № 8. – С. 45; Рарог, А.И. Общая теория вины в уголовном праве / А.И. Рарог. – М.: Экзамен, 2003. – С. 44.

В философском значении под виной понимается сложное психологическое состояние самоосуждения, раскаяния. Но в этом смысле вина не может входить в основание юридической ответственности, во-первых, потому что она положительна по своему содержанию, а во-вторых, потому что ее сугубо личностный характер не может быть в принципе познан, пережит во вне¹.

С юридической точки зрения предпосылкой вины является свобода воли лица. Только тот человек, который сознательно, по своей воле, руководствуясь теми или иными побуждениями, идет на нарушение уголовно-правового запрета, может быть признан виновным в совершении преступления. Свобода воли лица как признания его виновным в совершении преступления лежит в основе уголовного законодательства.

В своей работе мы будем исходить из того, что добровольный отказ возможен только от преступлений, совершаемых умышленно. При этом при добровольном отказе от совершения преступления воля лица претерпевает следующие изменения. Изначально лицо желает совершить преступление. Реализуя свое намерение, лицо совершает подготовительные действия либо действия (бездействие) по исполнению объективной стороны преступления. Все это время лицо направляет волю на совершение преступления, то есть субъективная сторона его деяния может быть охарактеризована умышленной виной. Поскольку все человеческие поступки опосредуются сознанием, представляющим собой сложнейший по своей структуре и значению феномен, в процессе совершения преступления под влиянием тех или иных мотивов, в сознании происходит смена установок на совершение преступления, в результате чего воля на совершение преступления исчезает, а появляется противоположная ей воля на отказ от доведения преступления до конца. Следствием данного изменения воли на диаметрально противоположное является прекращение лицом по собственной воле начатой

¹ Нерсесян, В.А. Понятие и формы вины в уголовном праве / В.А. Нерсесян // Правоведение. – 2002. – № 2. – С. 72.

им преступной деятельности. При этом, прекращая действие (бездействие), направленные изначально на совершение преступления, лицо уже не желает ни совершения самого деяния как такового, ни наступления общественно опасных последствий.

Изложенные выше изменения воли лица на совершение преступления являются причиной существования в правовой литературе двух противоположных точек зрения о наличии (отсутствии) вины лица в совершении деяния. Так, Н.В. Лясс указывает: «Субъект, отказавшийся по своей воле от совершения преступления, своим отказом свидетельствует о том, что он не ставит общественно-опасных целей, следовательно, у него нет вины – субъективного основания за предварительную преступную деятельность»¹.

Однако, как следует из вышеизложенного, до момента добровольного отказа, субъект имел намерение совершить преступление, следовательно, субъективное основания уголовной ответственности было. Данное обстоятельство является основанием для существования позиции о наличии вины субъекта при добровольном отказе от преступления и, наряду с неоспариваемой автором позицией о наличии в деянии добровольного отказавшегося от преступления лица объективного основания уголовной ответственности, лежит в основе точки зрения о том, что при добровольном отказе от преступления совершенное лицом деяние содержит в себе состав этого преступления.

Так, например, В.В. Питецкий указывает: «до момента добровольного отказа лицо, объективно и субъективно совершило деяние, содержащее в себе состав приготовления, либо покушения на преступления, то есть основания для его ответственности были налицо»².

¹Лясс, Н.В. Курс советского уголовного права. Часть общая. Т.1 / Н.В. Лясс. – Л.: Изд-во Ленинград.ун-та, 1968. – С. 577.

²Питецкий, В.В. О юридической природе освобождения от уголовной ответственности при добровольном отказе от совершения преступления / В.В. Питецкий // Проблемы уголовной ответственности и наказания. – Красноярск: РАСТР, 1995. – С. 28.

Исходя из приведенной предпосылки можно сделать вполне логичный вывод о том, что «при добровольном отказе лицо освобождается от уголовной ответственности за совершенные действия, которые являются и остаются преступными»¹.

Изучив специальную литературу по обозначенному вопросу, мы придерживаемся вывода о том, что добровольный отказ от преступления имеет свой особый состав, состоящий из следующих элементов:

1) объект добровольного отказа – общественные отношения, охраняемые уголовным законом, на которые лицо посягало до момента прекращения преступления;

2) субъект добровольного отказа – физическое вменяемое лицо, достигшее возраста уголовной ответственности;

3) объективная сторона – действия (бездействие) по созданию условий для совершения преступления либо непосредственно направленные на совершение деяния, предусмотренного Особенной частью УК РФ, прерванные субъектом до момента окончания преступления;

4) субъективная сторона – психическое отношение лица к деянию и его последствиям, которое изначально состоит в осознании лицом общественной опасности совершаемых действий (бездействия), предвидении возможности или неизбежности наступления общественно опасных последствий и желании их наступления, а затем при осознании возможности доведения преступления до конца изменяется на желание наступления этих последствий.

Таким образом, при полном совпадении с элементами состава неоконченного преступления таких элементов состава добровольного отказа как объект, субъект и частичном совпадении объективной стороны,

¹ Елеонский, В.А. Поощрительные нормы уголовного права и их значение в деятельности органов внутренних дел / В.А. Елеонский. – Хабаровск: Изд-во ХВСШ МВД СССР, 1984. – С. 58.

субъективная сторона добровольного отказа имеет принципиальное отличие от субъективной стороны состава преступления.

Кроме того, особенность субъективной стороны добровольного отказа заключается и в отличии от психического отношения лица к совершаемому деянию при совершении правомерных с точки зрения уголовного закона деяний, поскольку в отношении совершения последних у лица изначально отсутствовало субъективное основание ответственности – вина.

Указанное не позволяет относить добровольный отказ от преступления к деяниям, не являющимся преступными в силу обстоятельств, перечисленных в главе 8 УК РФ, а равно к иным являющимся правомерными с точки зрения уголовного законодательства, деяниям. Одно лишь прекращение действий (бездействия) по собственной воле не является основанием их отождествления с деяниями, при совершении которых лицо никогда не ставило общественно-опасных целей.

На этом основании считаем, что добровольный отказ от преступления занимает промежуточное место между преступным и правомерным поведением.

Также мы придерживаемся пусть и не бесспорной точки зрения о том, что в случае добровольного отказа в деянии лица отсутствует состав преступления.

Аналогичную позицию можно встретить и в ряде приговоров.

Так, Т.М. Багов и Р.А. Байкулов являлись оперуполномоченными оперативно-розыскной части.

Т.М. Багов и Р.А. Байкулов приступили к исполнению своих должностных обязанностей на территории Черкесской Республики. Т.М. Багов, получив устное сообщение о, якобы, совершенном преступлении – изнасиловании несовершеннолетней ФИО2Хубиевымна территории КЧР, находясь в кабинете 80 в здании МВД по КЧР, являясь должностными лицами и неся службу по исполнению своих должностных обязанностей по

раскрытию тяжких и особо тяжких преступлений, совершая действия, явно выходящие за пределы их должностных полномочий, которые никто и ни при каких обстоятельствах не вправе совершать, не проводя оперативно-розыскных мероприятий, не составляя оперативно-служебных документов по результатам своей деятельности, действуя умышленно, из ложно понятых интересов службы в целях повышения показателей своей работы и работы своего подразделения путем повышения процента раскрываемости преступлений, действуя из побуждений карьеризма, не имея законных оснований, явно выходя за пределы своих должностных полномочий, осознавая, что совершает действия, явно выходящие за пределы его полномочий и желая этого, не доложив о поступившем в их адрес сообщении о тяжком преступлении непосредственному руководству и в дежурную часть МВД по КЧР, совместно с Байкуловым оказал на несовершеннолетнюю ФИО2, психологическое давление, выразившееся в требованиях и уговорах ФИО2 написать заявление об ее изнасиловании ФИО1 угрожая в противном случае сообщить родителям несовершеннолетней о ее половой связи. При этом Т.М. Багов и Р.А. Байкулов удерживали ФИО2 в вышеуказанном служебном кабинете, а затем, в связи с отказом несовершеннолетней ФИО2 добровольно написать заявление об изнасиловании, Т.М. Багов, действуя согласованно с Байкуловым, отвел ФИО2 в соседнее здание Отдела МВД России, в помещении которого ФИО2 находилась на время производства доставления в МВД по КЧР и ожидания приезда своего отца Гогушева, которого на встречу вызвал по телефону Т.М. Багов. После чего, Т.М. Багов отвез ФИО2 к зданию пиццерии куда подошел на встречу Ю.А. Гогушев. После разговора с Ю.А. Гогушевым, который отказался воздействовать на ФИО2 и поддержал ее решение не писать заявление об изнасиловании, Т.М. Багов прекратил дальнейшие требования и уговоры написать заявление об изнасиловании и разрешил ФИО2 уйти вместе с ее отцом Ю.А. Гогушевым. Впоследствии Т.М. Баговым и Р.А. Байкуловым

поступившее в их адрес сообщение о тяжком преступлении – изнасиловании несовершеннолетней ФИО2 зарегистрировано не было. Противоправные действия оперуполномоченных ОРЧ (по линии УР) при МВД по КЧР Т.М. Багова и Р.А. Байкулова повлекли за собой существенное нарушение прав и законных интересов ФИО2 на свободу передвижения, на недопустимость ее подвержения жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению, на доступ к правосудию, гарантированных ст. 21, 22, 27 Конституции РФ, а также повлекли существенное нарушение охраняемых законом интересов государства, выразившееся в дискредитации милиции в РФ, должностные лица которой в соответствии с ч. 2 ст. 15 Конституции РФ обязаны соблюдать Конституцию РФ и законы, нарушении установленных Федеральным законом РФ от № 3–ФЗ «О полиции» принципов ее деятельности, строящихся на соблюдении и уважении прав и свобод человека и гражданина, законности, беспристрастности, открытости и публичности, что причинило существенный вред авторитету органов государственной власти.

Указанные действия Т.М. Багова и Р.А. Байкулова квалифицированы органом предварительного расследования по ч. 1 ст. 286 УК РФ, как совершение должностным лицом действий, явно выходящих за пределы его полномочий и повлекших существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства.

Они же, по подозрению в совершении изнасилования несовершеннолетней ФИО2 задержали ФИО1 и доставили его в здание МВД по КЧР. Не проводя оперативно-розыскных мероприятий, не составляя оперативно-служебных документов по результатам своей деятельности, Т.М. Багов и Байкулов, действуя умышленно, осознавая, что совершают действия, явно выходящие за пределы их полномочий, которые никто и ни при каких обстоятельствах не вправе совершать, и желая этого, не доложив о

поступившем в их адрес сообщении о тяжком преступлении и о доставлении ФИО1 непосредственному руководству и в дежурную часть МВД по КЧР, принудительно лишили его свободы, ограничили в передвижении, и, удерживая против его воли, продолжая свои преступные действия, не имея никаких законных оснований, поскольку не имелось обстоятельств для преодоления противодействия законным требованиям сотрудников милиции, применили в отношении ФИО1. насилие, выразившееся в нанесении не менее четырех ударов ладонью руки по голове ФИО1., а также угрозах применением насилия в виде избиения и лишением свободы. Нанесение ударов ФИО1., Т.М. Багов и Р.А. Байкулов сопровождали требованием к ФИО1 признаться в совершении изнасилования ФИО2 и написать явку с повинной о совершении данного преступления. После применения к ФИО1 физического насилия и оказания на него психологического давления, он в целях собственной безопасности, поскольку действия Т.М. Багова и Р.А. Байкулова он воспринял как реальную угрозу своей жизни и здоровью, вынужден был признаться в, якобы, совершенном им вышеуказанном преступлении. Признание ФИО1. вины в совершении изнасилования ФИО2 было оформлено Т.М. Баговым и Р.А. Байкуловым документально, в виде явки с повинной. Впоследствии Р.А. Байкуловым и Т.М. Баговым поступившая в их адрес явка с повинной ФИО1., являющаяся сообщением о тяжком преступлении, зарегистрирована не была. Преступные действия Т.М. Багова и Р.А. Байкулова причинили ФИО1. физическую боль и страдания, повлекли существенное нарушение его прав и законных интересов на личную неприкосновенность, на свободу передвижения, на недопустимость его подвержения насилию, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению, на доступ к правосудию, гарантированных ст. 21, 22, 27 Конституции РФ, а также повлекли существенное нарушение охраняемых законом интересов государства.

Указанные действия Т.М. Багова и Р.А. Байкулова квалифицированы органом предварительного расследования по п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ.

Они же, реализуя внезапно возникший преступный умысел, направленный на хищение чужого имущества путем обмана и злоупотребления доверием, из корыстных побуждений вступили между собой в предварительный сговор с целью хищения имущества ФИО1 путем обмана и злоупотребления доверием. С этой целью Т.М. Багов и Байкулов, действия согласованно, используя доверие ФИО1 к представителям правоохранительных органов, ввиду занимаемого ими служебного положения, путем обмана и злоупотребления доверием убедили ФИО1 в том, что несовершеннолетняя ФИО2 обратилась с письменным заявлением о совершении ее изнасилования ФИО1., в связи с чем, написанная им явка с повинной является безусловным основанием для лишения его свободы, а избежать уголовного преследования возможно лишь путем укрытия данной явки с повинной от регистрации и последующего не проведения по ней проверочных мероприятий. Продолжая реализовывать свой преступный умысел, направленный на хищение чужого имущества путем обмана и злоупотребления доверием, Т.М. Багов и Р.А. Байкулов предложили ФИО1. передать им в течение трех дней денежные средства в размере 80 000 рублей в качестве вознаграждения за содействие в его освобождении от уголовного преследования. Предполагая, что Т.М. Багов и Р.А. Байкулов говорят ему правду, ФИО1. согласился изыскать и передать Т.М. Багову и Р.А. Байкулову в течение трех дней оговоренную сумму за содействие в его освобождении от уголовного преследования. Получив согласие ФИО1. передать им оговоренную сумму денежного вознаграждения в течение трех дней, Т.М. Багов и Р.А. Байкулова отпустили. Когда, при выходе из здания МВД по КЧР ФИО31 Х.А. встретил несовершеннолетнюю ФИО2, последняя ему сообщила, что она не писала заявление об изнасиловании ФИО31 Х.А. Осознав, что его ввели в заблуждение, ФИО1 высказал Т.М. Багову и

Р.А. Байкулову свои устные претензии по поводу произведенного ими обмана. В ответ на это Т.М. Багов и Байкулов, действуя согласованно, осознавая, что ФИО1 стал понятен мошеннический характер их действий, с целью доведения совместного корыстного преступного умысла до конца, выдвинули требование ФИО1. о передаче им оговоренного ранее денежного вознаграждения в размере 80 000 рублей, угрожая в противном случае применением насилия к ФИО1., а также угрожая зарегистрировать написанную им явку с повинной, что повлечет за собой неблагоприятные для ФИО1. последствия в виде уголовного преследования, а также огласки сведений, позорящих ФИО1 и могущих причинить существенный вред его правам и законным интересам. В течение последующих дней Т.М. Багов и Р.А. Байкулов, продолжая свои преступные действия, из корыстных побуждений, вступив между собой в преступный сговор, направленный на вымогательство, т. е. требование передачи чужого имущества, неоднократно звонили ФИО1 на мобильный телефон и выдвигали устные требования о передаче им денежной суммы в размере 80 000 рублей, в соответствии с состоявшейся между ними ранее договоренностью о передаче денежного вознаграждения, угрожая в противном случае применением насилия к ФИО1 а также угрожая зарегистрировать написанную им явку с повинной, что повлечет за собой неблагоприятные для ФИО1. последствия в виде уголовного преследования, а также огласки сведений, позорящих ФИО1. и могущих причинить существенный вред его правам и законным интересам. На это ФИО1. отвечал, что у него отсутствует возможность для передачи Т.М. Багову и Р.А. Байкулову всей необходимой денежной суммы. В ходе состоявшихся телефонных переговоров Р.А. Байкулов снизил требуемую от ФИО1 сумму денежных средств до 50 000 рублей. В связи с продолжавшимися телефонными звонками с требованиями передачи имущества, ФИО1. обратился в Управление ФСБ России по КЧР с заявлением о вымогательстве у него денежных средств Т.М. Баговым.

Впоследствии, ФИО31 и ФИО1. обратился также в МВД по КЧР с заявлением о вымогательстве у него денежных средств Баговым. В связи с этим должностными лицами УФСБ России по КЧР и МВД по КЧР было начато производство оперативно-розыскных мероприятий по заявлению ФИО1. Примерно в 18 часов 00 минут ФИО1., предварительно договорившись с Р.А. Байкуловым по мобильному телефону о передаче для Р.А. Байкулова и Т.М. Багова денежных средств в сумме 50 000 рублей и возвращении ему написанной им явки с повинной, приехал на встречу к зданию отделения Сберегательного банка России. При этом, ФИО1. привез с собой на встречу оговоренную сумму денежных средств в размере 50 000 рублей и собирался передать ее под контролем оперативных работников МВД по КЧР и УФСБ России по КЧР. Р.А. Байкулов, реализуя совместный с Т.М. Баговым преступный умысел, направленный на хищение чужого имущества путем вымогательства, приехал на встречу для получения денежных средств от ФИО1. к отделению Сберегательного банка России. Заметив стоявшую поблизости автомашину с сотрудниками МВД по КЧР, проводившими в отношении него оперативно-розыскные мероприятия, Р.А. Байкулов, осознавая, что при получении от ФИО1. денежных средств он может быть задержан сотрудниками МВД по КЧР, скрылся с места преступления.

Указанные действия Т.М. Багова и Р.А. Байкулова квалифицированы органом предварительного расследования по п. «а» ч. 2 ст. 163 УК РФ, вымогательство.

При рассмотрении уголовного дела в отношении Т.М. Багова и Р.А. Байкулова суд в приговоре указал: «подсудимые отказались от доведения своих преступных действий до конца, т. е. от встречи с ФИО31 ФИО1 а, следовательно, и от получения денежных средств у ФИО1., т. о. имеет место добровольный отказ от преступления, а в силу ч. 2 ст. 31 УК РФ, лицо не подлежит уголовной ответственности за преступление, если оно

добровольно и окончательно отказалось от доведения этого преступления до конца.

Приходя к указанному выводу, суд учитывает, что в судебном заседании достоверно установлено, что сотрудники ОМОНа МВД КЧР находились в автомашине, окна которой не были затемнены, но окна, которой, были зашторены занавесками, а сами сотрудники лежали, а не сидели, что, в свою очередь, позволяет суду сделать вывод, что преступление подсудимыми не доведено до конца не по причине, не зависящей от виновных лиц, а в силу добровольного отказа от преступления.

При указанных обстоятельствах, с учетом того, что указанные обстоятельства не опровергнуты ни предварительным следствием в материалах уголовного дела, ни государственным обвинителем в ходе судебного разбирательства, что, по мнению суда, свидетельствует о том, что органами предварительного следствия не установлена, а государственным обвинением не доказана субъективная сторона преступлений, предусмотренных как ст. 163 УК РФ, так ист. 286 УК РФ, а по смыслу уст. 8 УК РФ, если хотя бы один признак состава конкретного преступления отсутствует, то отсутствует и основание уголовной ответственности. Следовательно, по мнению суда, в деяниях Багова и Байкулова отсутствует состав преступления и находит, что Багова и Байкулова следует оправдать за отсутствием в их деянии состава преступления»¹.

Учитывая выявленную нами особую сущность (правовую природу) добровольного отказа от преступления, полагаем, что правовые последствия добровольного отказа также должны быть особыми. Так, поскольку основание уголовной ответственности при добровольном отказе отсутствует, его правовыми последствиями не может являться освобождение от уголовной ответственности. Однако, принимая во внимание изначально преступное

¹ Дело № 1-12/2013 ... из архива Черкесского городского суда Карачаево-Черкесской республики за 2013 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.cherkessky.kchr.sudrf.ru

поведение лица, нельзя согласиться с отождествлением правовых последствий добровольного отказа с правовыми последствиями полностью правомерных деяний, в том числе деяний, предусмотренных главой 8 УК РФ, в виде исключения уголовной ответственности. Считаем, что терминологически данные последствия могут быть названы «не привлечением к уголовной ответственности», при этом сущность данных последствий состоит в следующем.

При отсутствии в действиях (бездействии) лица состава преступления каких-либо уголовно-правовых последствий для него не наступает: оно не обязано подвергаться уголовно-правовому воздействию. Освобождение же от уголовной ответственности представляет собой акт прощения государством лица, совершившего преступление, поскольку в этом случае государство, даже признавая в деянии лица наличие состава преступления, отказывается от его осуждения, тем самым также освобождая данное лицо от всех связанных с этим негативных последствий. Вместе с тем в соответствии с ч. 3 ст. 60 УК РФ при назначении наказания учитывается личность виновного, поэтому представляется, что прекращение уголовного дела по не реабилитирующим основаниям ввиду освобождения от уголовной ответственности может послужить отрицательной характеристикой личности виновного при совершении другого преступления (в будущем). Гражданско-правовыми последствиями при освобождении от уголовной ответственности (прекращение уголовного дела по не реабилитирующим основаниям) может явиться обязанность возместить причиненный вред, при этом постановление (определение) о прекращении уголовного дела по не реабилитирующим основаниям является относимым и допустимым доказательством наличия вины в действиях лица. Прекращение дела ввиду отсутствия состава преступления таких последствий не влечет.

Поскольку деяние, совершенное лицом, добровольно отказавшемся от преступления, имеет особую правовую природу, а именно характеризуется

общественной опасностью и наличие вины до момента добровольного отказа, полагаем, что, несмотря на признание данного деяния непроступным, оно должно влечь правовые последствия, сходные с освобождением от уголовной ответственности, но вместе с тем не тождественные им. То есть не привлечение к уголовной ответственности в силу добровольного отказа является обстоятельством, отрицательно характеризующим личность лица при назначении наказания за другие преступления, но в меньшей степени, чем в случае освобождения от уголовной ответственности. Также, как и при освобождении от уголовной ответственности не привлечение к уголовной ответственности должно служить основанием признания наличия умышленной вины в действиях (бездействии) лица, но только до момента добровольного отказа.

Изучение практики показывает, что работники правоохранительных органов редко ссылаются на ст. 31 УК РФ как на обстоятельство, влекущее отказ в возбуждении уголовного дела либо его прекращение, ограничиваясь лишь ссылкой на п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ. На основании вышеизложенных доводов считаем, что при добровольном отказе от преступления основание прекращения уголовного дела не должно сводиться лишь к отсутствию состава преступления, а должно быть особо закреплено в уголовно процессуальном законодательстве, чтобы подчеркнуть специальное основание не привлечения к уголовной ответственности – добровольный отказ.

1.2 Добровольный отказ в зарубежном уголовном праве

В современных условиях сравнительно-правовой метод становится все более востребованным методом научного познания, в том числе в сфере уголовно-правовой науки. Такая тенденция, полагаем, во многом связана с неуклонно растущими темпами глобализации преступности, противостояние

которой требует интеграции усилий государств мирового сообщества. Первым шагом на пути к полноценному взаимодействию и сотрудничеству государств в борьбе с транснациональной преступностью является гармонизация уголовного законодательства разных государств, в свою очередь, невозможная без изучения и критического анализа не только собственного, но и зарубежного уголовного права.

Большинство авторов, изучающих теорию сравнительного правоведения, так или иначе, поднимают вопрос о правилах или критериях, по которым должно производиться сравнение. В работах М.Н. Марченко и Г.А. Есакова они получили название принципов сравнения¹ или принципов сравнительно-правового метода².

Ю.А. Тихомиров пишет об общих правилах сравнительно-правового анализа³, Л.Г. Овсепян – о правилах компаративного анализа⁴.

Разными авторами в числе таких правил, принципов, критериев называются: необходимость всестороннего учета исторических, национальных, экономических, социально-политических и иных условий, в которых возникают и развиваются сравниваемые правовые нормы, институты, отрасли и системы права; установление не только общих черт и признаков сравниваемых правовых систем, но и их особенностей, а также специфических признаков, свойственных отдельным системам; выделение главных и второстепенных признаков и черт сравниваемых систем; сравнительное исследование правовой материи не только в статике, но и в

¹ Марченко, М.Н. Сравнительное правоведение. Общая часть / М.Н. Марченко. – М.: Зерцало, 2001. – С. 119–127.

² Есаков, Г.А. Основы сравнительного уголовного права: Монография / Г.А. Есаков. – М.: Элит, 2007. – С. 11–13.

³ Тихомиров, Ю.А. Курс сравнительного правоведения / Ю.А. Тихомиров. – М.: НОРМА, 1996. – С. 54–60.

⁴ Овсепян, Л.Г. Уголовно-правовая охрана флоры и фауны по законодательству Армении и России (сравнительно-правовое исследование) / Л.Г. Овсепян. – Владимир: Акцион-пресс, 2008. – С. 27–31.

динамике; необходимость критического анализа полученных при сравнении результатов¹.

Общепризнанным и, полагаем, основным среди этих правил или принципов является потенциальная сравнимость исследуемых явлений. По мнению М.Н. Марченко, вопрос о сравнимости различных явлений, институтов и учреждений решается в зависимости от наличия у них общих черт, признаков, принадлежности их к одному и тому же роду или виду, наличия у них сходных структур, функций, общей сферы приложения, сходных задач и целевых установок. А.А. Малиновский отмечает, что объекты, входящие в предмет сравнительно-правового исследования, должны быть сопоставимы, т. е. однородны, при этом необходимо учитывать существенные различия внешне сходных явлений и процессов правовой действительности, специфику отдельных уголовно-правовых систем и их институтов, которая предопределяет уникальность некоторых юридических терминов, а также тот факт, что содержательное наполнение одинаковых терминов может существенно различаться². Г.А. Есаков указывает, что определение потенциальной сравнимости правовых норм предполагает акцент не на нормативной составляющей права, а на его функциональной стороне, т. е. на том, как оно разрешает конкретную социальную проблему.

Под нормативным и функциональным сравнением в научной литературе понимаются два разных подхода к сравнительно-правовым исследованиям, при первом из которых сравнение идет от нормы к социальному факту, а при втором – от социального факта к его правовому регулированию³. К. Цвайгерт и Х. Кетц называют функциональность основным методическим принципом

¹ Ильина, А.И. К вопросу о значении сравнительно-правового метода для совершенствования правил экстерриториального действия российского уголовного закона в пространстве / А.И. Ильина // Вестник Башкирского университета. – 2011. – № 4. – С. 141.

² Малиновский, А.А. Сравнительное правоведение в сфере уголовного права / А.А. Малиновский. – М.: Международные отношения, 2002. – С. 5.

³ Саидов, А.Х. Сравнительное правоведение (основные правовые системы современности) / А.Х. Саидов. – М.: Юристъ, 2003. – С. 50.

сравнительного правоведения, согласно которому нельзя сравнивать несравнимое, а сравнимо в праве лишь то, что выполняет одну и ту же задачу, одну и ту же функцию¹.

Таким образом, в соответствии с принципом сравнимости или функциональности в сфере сравнительного правоведения первым этапом сравнительно-правового исследования является выявление общей для различных правовых систем социальной проблемы и, исходя из этого, ограничение круга сравниваемых правовых систем. На втором этапе осуществляется поиск правовых средств, которыми решается исследуемая проблема в правовых системах различных государств.

С позиций функционального подхода проблема определения пространственных пределов действия уголовного законодательства является универсальной для существующих правовых систем.

Само наличие на политической карте мира множества государств, обладающих собственной юрисдикцией, в том числе уголовной, диктует необходимость в ограничении сферы распространения юрисдикции каждого из них.

Пределы распространения уголовной юрисдикции государств также обусловлены объективными факторами. К ним относятся, во-первых, наличие у любого государства государственной территории, ограниченной государственной границей, во-вторых, перемещение лиц, в том числе граждан государства и иностранных граждан, с пересечением государственных границ. Современные социальные и политические процессы, такие как увеличение миграционных потоков, рост транснациональной преступности, глобализация всех сфер жизни, также затрагивают абсолютное большинство существующих государств и требуют адекватного законодательного ответа в рамках института действия уголовного закона в пространстве.

¹Цвайгерт, К. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права: В 2-х тт. Том I: Основы / К. Цвайгерт, Х. Кетц. – М.: Международные отношения, 2000. – С. 50.

Общность социально-политической проблематики порождает и сходство нормативного регулирования действия в пространстве уголовных законов РФ и зарубежных стран. Так, можно выделить ряд общих для большинства государств тенденций законодательной регламентации действия уголовного закона в пространстве:

1) распространение действия уголовного закона государства на всю его территорию;

2) территориальное расширение сферы уголовной юрисдикции за счет объектов и территорий, не являющихся территорией государства, но приравненных к ней;

3) ограниченное действие уголовного закона государства в отношении граждан этого государства безотносительно к месту совершения ими преступления;

4) включение в сферу уголовной юрисдикции преступлений, направленных против интересов государства и его граждан, независимо от места их совершения и гражданства лиц, их совершивших;

5) установление универсальной юрисдикции в отношении наиболее опасных с точки зрения мирового сообщества преступлений.

Рассматривая вопрос о значении сравнительного правоведения, А.Х. Саидов отмечает два обстоятельства. Сравнительно-правовые исследования, по его мнению, позволяют, во-первых, изучить явления правовой действительности, которые ранее не охватывались проблематикой правоведения, и выйти за национальные рамки своей правовой системы; во-вторых, взглянуть под особым углом зрения на ряд традиционных проблем юридической науки с учетом тенденций развития права в современном мире.

Полагаем, что отмеченные возможности сравнительно-правовых исследований приобретают особую ценность при изучении института добровольного отказа от совершения преступления.

В большинстве зарубежных уголовных кодексов правовые последствия добровольного отказа от преступления являются средством дифференциации уголовной ответственности. Рассмотрим это на примере законодательства ряда стран.

В УК Франции специальной нормы о добровольном отказе нет. Согласно ст. 121–4, лицо, которое пытается совершить преступление или (в случаях, предусмотренных законом) проступок, считается исполнителем преступного деяния. Вместе с тем французский законодатель в ряде норм Особенной части специально оговаривает освобождение от наказания в случае добровольного отказа лица. Так, согласно ст. 422–1, любое лицо, пытавшееся совершить террористический акт, освобождается от наказания, если, предупредив административные или судебные органы власти, оно позволило избежать совершения деяния, а в случае необходимости – установить других соучастников. Если же деяние уже совершено, наказание может быть сокращено наполовину в случае, когда виновный прекратил преступные действия, сообщил правоохранительным органам о преступлении и тем самым позволил избежать причинения смерти или тяжкого вреда здоровью людей и установить других виновных в совершении преступления. Во втором случае речь идет о деятельном раскаянии, поскольку с формально-юридической точки зрения преступление уже окончено. Отдельно оговаривается освобождение от наказания и в случае попытки совершить некоторые политические (государственные) преступления, а именно, саботаж, посягательство на институты публичной власти, сдачу национальной территории иностранному государству и др. Такого рода оговорка, по мнению Н.Е. Крыловой, сделана, так как при других государственных преступлениях добровольный отказ невозможен, поскольку они считаются оконченными при совершении указанных в законе действий, создающих

угрозу причинения вреда государственным интересам, независимо от дальнейшего поведения виновного¹.

В УК ФРГ предусматривается ненаказуемость покушения, если лицо добровольно отказалось от дальнейшего исполнения деяния или препятствует его доведению до конца. В абз. 2 параграфа 24 закреплён институт соучастия при добровольном отказе от преступления. В соответствии с ним, не подлежит наказанию любое лицо, добровольно препятствующее доведению преступления до конца. Таким образом, немецкий законодатель не дифференцирует признаки добровольного отказа исполнителя преступления и соучастников, ставя всех их в равное правовое положение².

Также, Особенная часть УК ФРГ снабжена положениями о добровольном отказе.

Так, согласно абз. 5 § 264 УК ФРГ, добровольный отказ от получения субсидии после осуществления основного состава исключает наказание лица. В абз. 9 § 261 УК ФРГ содержится специальная норма, также не имеющая аналога в УК РФ, об исключении ответственности лица за отмывание преступных доходов, если оно добровольно сообщает о деянии компетентным органам или добровольно даёт повод для подобного сообщения и деяние в этот момент не является полностью либо частично раскрытым. Норма § 264а УК ФРГ также снабжена предписанием об исключении наказания лица, если оно добровольно предотвращает получение выгоды в результате совершения указанного преступления.

¹ Уголовное право зарубежных государств. Общая часть: учеб. пособие / под ред. И.Д. Козочкина. – М.: Омега-Л, 2003. – С. 328–329.

² Уголовное законодательство зарубежных стран (Англии, США, Франции, Германии, Японии): сб. законодат. материалов / под ред. И.Д. Козочкина. – М.: Зерцало, 1998. – С. 237.

И в абз. 2 § 265b УК ФРГ содержится предписание о ненаказуемости лица, добровольно предотвратившего предоставление суммы кредита¹.

Ст. 46b УК Голландии устанавливает, что «ни приготовление, ни покушение на совершение преступления не имеют места, если преступление не было завершено исключительно по причине обстоятельств, зависящих от воли преступника»².

Параграф 22 УК Дании³, ст. 18 (3) УК Болгарии также провозглашают ненаказуемость добровольно оставленного покушения⁴. Так согласно ст. 18 (3) УК Болгарии: «при совершении покушения лицо не подлежит наказанию, когда оно по собственному побуждению: а) отказалось от завершения исполнения преступления или б) предотвратило наступление преступных последствий».

При этом А.И. Ситникова отмечает: «Характерно, что в УК Голландии, Дании, Болгарии отсутствуют нормы о правовом положении соучастников в случае их добровольного отказа от доведения преступления до конца»⁵.

Согласно ст. 43 УК Японии, если лицо по собственной воле прекратило совершение преступления, то наказание смягчается или данное лицо должно быть освобождено от наказания. В то же время в девятнадцати статьях Особенной части УК неоконченные акции фигурируют как самостоятельные составы⁶.

УК Италии также предусматривает возможность добровольного отказа от преступления, который является обстоятельством, исключающим уголовную

¹ Грибов, А.С. Дифференциация ответственности за экономические преступления с помощью средств Особенной части УК ФРГ / А.С. Грибов // Вестник ЮрГУ. Серия: Гуманитарные науки. – 2011. – № 1. – С. 76.

² Уголовный кодекс Голландии / под ред. Б.В. Воложенкин. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2001. – С. 177.

³ Уголовный кодекс Дании / под ред. С.С. Беляева. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2001. – С. 26.

⁴ Уголовный кодекс Болгарии / под ред. А.И. Лукашева. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2001. – С. 205.

⁵ Ситникова, А.И. Указ. соч. – С. 81.

⁶ Уголовный Кодекс Японии / под ред. А.И. Коробеева. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. – С. 53.

ответственность. Совершенные действия наказываются только в том случае, если они сами по себе содержат признаки преступного деяния.

Добровольный отказ состоит в прекращении деятельности по воле самого субъекта. Аналогично российской правовой доктрине итальянская теория уголовного права различает оконченное и неоконченное покушение. По мнению большинства итальянских авторов, добровольный отказ возможен только на стадии неоконченного покушения.

В случае покушения на преступление, совершаемое путем бездействия, добровольный отказ должен выразиться в осуществлении тех действий, которые лицо должно выполнить (например, мать возобновляет кормление новорожденного ребенка).

Возможен добровольный отказ одного из соучастников. Однако, необходимо, чтобы соучастник, отказавшийся от совершения преступления, исключил свой вклад в достижение преступного результата или выполнил действия с целью воспрепятствования его наступлению¹.

В УК Испании (ч. 2 ст. 16) норма о добровольном отказе провозглашает: «Не подлежит уголовной ответственности лицо, которое добровольно предотвращает совершение преступления, отказавшись от его завершения, препятствуя наступлению последствий, за исключением случаев, когда фактически совершенное им деяние составляет другое преступление или проступок»². УК Польши определяет, что удавшийся добровольный отказ исключает уголовную ответственность и наказание. Неудавшийся отказ, который сформулирован как попытка предотвратить наступление опасных последствий, является обстоятельством, чрезвычайно смягчающим наказание (§ 1 ст. 15). В случае вступления в сговор с другим лицом с целью совершения преступления не подлежит наказанию тот, кто предпринял

¹ Уголовное право зарубежных государств / под ред. И.Д. Козочкина. – М.: Зерцало, 2001. – С. 531.

² Уголовный Кодекс Испании / под ред. Н.Ф. Кузнецовой. – М.: Зерцало, 1998. – С. 15.

существенные усилия, направленные на предотвращение совершения преступления (§ 1 ст. 17)¹.

Нормы о добровольном отказе содержатся в уголовном законодательстве всех стран СНГ и ближнего зарубежья. Уголовное законодательство этих стран предусматривает исключение уголовной ответственности лица, добровольно отказавшегося от доведения преступления до конца.

Нормы об исключении уголовной ответственности соучастников в случае их добровольного отказа имеются в уголовных кодексах Беларуси (ч. 3 и 4 ст. 15), Казахстана (ч. 3 ст. 26), Киргизии (ч. 3 ст. 29), Азербайджана (ст. 30.4, 30.5), Армении.

Так, до введения в действие УК Республики Армения², принятого Национальным Собранием РА 18 апреля 2003 г. вопрос добровольного отказа при соучастии регулировался нечетко – он решался только теорией уголовного права³ и практикой ее применения.

Введенный в действие с 1 августа 2003 г. УК Республики Армения посвятил правовому регулированию института добровольного отказа от преступления при соучастии части 3 и 4 ст. 36.

Ч. 3 ст. 36 УК Республики Армения четко устанавливает: «Организатор преступления, подстрекатель или пособник при добровольном отказе не подлежат уголовной ответственности, если оно своевременным сообщением органам власти или иными предпринятыми мерами предотвратили доведение преступления исполнителем до конца».

Ответственность организатора, подстрекателя и пособника зависит от того, сумеют ли они предотвратить завершение преступления исполнителем.

¹ Уголовный Кодекс Республики Польша / под ред. А.И. Лукашева. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2001. – С. 35–37.

² Уголовный Кодекс Республики Армения от 18.04.2003. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.competition.am/upl

³ Ананьин, А.Ф. Организация, подстрекательство и пособничество в групповом преступлении: автореферат дис. ... канд. юрид. наук / А.Ф. Ананьин. – Свердловск, 1980. – С. 7; Бурчак, Ф.Г. Учение о соучастии по советскому уголовному праву / Ф.Г. Бурчак. – Киев: София, 1968. – С. 57; Ковалев, М.И. Соучастие в преступлении / М.И. Ковалев. – Свердловск: Изд-во Свердл. юрид. ин-та, 1962. – С. 110.

Если исполнитель отказался от доведения преступления до конца под воздействием организатора, подстрекателя или пособника, то их действия будут рассматриваться как добровольный отказ, а сами они будут освобождены от уголовной ответственности. Если же организатору, подстрекателю или пособнику не удастся предотвратить доведение преступления исполнителем до конца, то предпринятые ими меры по предотвращению преступления могут быть учтены при назначении им наказания как обстоятельства, смягчающие ответственность и наказание (ч. 4 ст. 36 УК РА).

Однако, некоторые ученые замечают: «Посвятив ч. 3 и ч. 4 ст. 36 УК РА особенностям добровольного отказа от преступления при соучастии, законодатель проявил непоследовательность. Институту соучастия посвящена следующая, 7-я глава УК РА. Учитывая, что добровольный отказ связан не только с видом соучастия, но и формой соучастия, статью, посвященную особенностям добровольного отказа от преступления при соучастии целесообразнее, было бы поместить после анализа форм соучастия – дополнив главу об институте соучастия, включающую в себя ч. 3 и 4 ст. 36, новой статьей «Добровольный отказ от преступления при соучастии». Кроме того, по нашему мнению, необходимо дополнить ч. 3 и 4 ст. 36, поскольку они не в полной мере охватывают особенности добровольного отказа соучастников.

Дополнение главы о соучастии новой статьей позволило бы логически четко сформулировать и правильно применять на практике как институт добровольного отказа, так и институт соучастия, поскольку нецелесообразно помещать положения, относящиеся к одному и тому же уголовно-правовому институту в разных главах Общей части УК, тем более анализировать вопрос

об ответственности соучастников в институтах, предшествующих соучастию»¹.

Уголовные кодексы Беларуси, Казахстана и Азербайджана дифференцируют нормы, исключая уголовную ответственность организатора, подстрекателя и пособника в случае предотвращения ими совершения преступления исполнителем.

В УК Киргизии (ч. 3 ст. 29) правовое положение соучастников в случае их добровольного отказа не дифференцировано. Основания исключения уголовной ответственности организатора и подстрекателя в УК Казахстана (ч. 3 ст. 26) и Азербайджана (ст. 30.4) совпадают и состоят в том, что эти лица своевременным сообщением органам власти или иными предпринятыми мерами предотвратили доведение преступления исполнителем до конца.

В соответствии с ч. 3 ст. 15 УК Беларуси исключение уголовной ответственности организатора и подстрекателя возможно только в том случае, если эти лица предотвратили совершение преступления.

УК Киргизии (ч. 3 ст. 29) предусматривает исключение уголовной ответственности организатора, подстрекателя и пособника, «если эти лица своевременно предприняли все зависящие от них меры для предотвращения совершения преступления и общественно опасные последствия при этом не наступили»².

По мнению А.И. Ситниковой, «отказ законодателя Киргизии от дифференциации правового положения соучастников в случае их добровольного отказа от завершения преступления является обоснованным, поскольку уголовное законодательство других стран СНГ предъявляет менее жесткие требования к основанию освобождения пособника от уголовной ответственности, если тот для предотвращения преступления предпринял все зависящие от него меры (ч. 4 ст. 31 УК РФ) либо до окончания исполнителем

¹ Тадевосян, Л.З. Добровольный отказ от преступления при соучастии / Л.З. Тадевосян // Вектор науки ТГУ. – 2010. – № 1. – С. 140.

² Уголовный Кодекс Кыргызской Республики / под ред. А.П. Стуканова. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. – С. 57.

преступления отказал ему в заранее обещанном укрывательстве или устранил результаты оказанной помощи (ч. 4 ст. 15 УК Беларуси; ч. 3 ст. 26 УК Казахстана)¹. В данном случае мы в полной мере придерживаемся позиции А.И. Ситниковой, поскольку пособник своими действиями может детерминировать факт совершения преступления не в меньшей степени, чем, например, подстрекатель. Поэтому ставить пособника в привилегированное положение – означает нарушать принцип справедливости в уголовном праве.

Более того, ни в ст. 31 УК РФ, ни в изученном нами уголовном законодательстве зарубежных стран ничего не говорится о добровольном отказе соисполнителя в групповом преступлении. Следует полностью согласиться с Э.Ф. Побегайло в том, что своим согласием участвовать в преступлении соисполнитель детерминировал принятие соучастниками решения о совершении группового преступления. Вследствие этого его отказ от соисполнительства, если при этом преступная деятельность группы не прекращается, не освобождает его от уголовной ответственности. Своими активными действиями он должен сделать все от него зависящее, чтобы предотвратить совершение преступления другими исполнителями. Только тогда его ответственность исключается².

В английском уголовном праве отказ от совершения преступления (независимо от того, добровольный он или же нет) не признается обстоятельством, исключающим ответственность за покушение на совершение преступления, и такое решение вопроса в свое время было поддержано в проекте УК, подготовленном Правовой комиссией для Англии и Уэльса. Тем не менее, в теории уголовного права этот вопрос решается не столь однозначно. В частности, одно из направлений в его разрешении сводится к разделению отказа на недобровольный и добровольный. Недобровольный отказ (т. е. вызванный внешними обстоятельствами,

¹Ситникова, А.И. Указ.соч. – С. 80–81.

²Побегайло, Э.Ф. Стадии совершения умышленного преступления // Уголовное право России: учеб.для вузов: в 2 т. / под ред. А.Н. Игнатова, Ю.А. Красикова. – М.: Норма, 1999. – С. 206.

мешающими осуществлению преступного замысла) единообразно рассматривается как не исключаящий ответственности за покушение на преступление.

Добровольный отказ вызывает споры в теории уголовного права. Следующие доводы приводятся Эндрью Эшвортом: против допущения отказа говорит «временная логика» уголовного права – если покушение уже совершено (начато совершением), то как можно отказаться от уже совершенного? В пользу признания отказа, напротив, указывает моральная непрочность действующего (а моральный упрек, как было показано ранее, образует основу субъективистски-ориентированного подхода к наказуемости покушения), отказавшегося от своего преступного намерения; говорит и то, что в таких случаях срабатывает превентивная функция уголовного права¹.

Общему праву США институт добровольного отказа не известен, так как считается, что если действие, составляющее покушение, совершено, то последующее поведение лица не имеет юридического значения. Тем не менее, законодательством отдельных штатов, испытавшим в этом вопросе влияние Примерного УК (п. 4 ст. 5.01), при определенных условиях предусматривается возможность освобождения от ответственности за отказ от доведения преступления до конца. Так, в п. 3 § 40.10 УК штата Нью-Йорк сказано: «Утверждающей защитой является то, что при обстоятельствах, ясно показывающих добровольный и полный отказ от своего уголовно наказуемого намерения, обвиняемый избежал совершения преступления, на которое он покушался, путем отказа от своих уголовно наказуемых усилий и, если простого отказа для такого избежания недостаточно, путем предпринятия дальнейших и позитивных шагов, которые предотвратили его совершение».

¹ Есаков, Г.А. Покушение как разновидность неоконченного преступления в английском уголовном праве / Г.А. Есаков // Русский закон. – 2005. – № 2. – С. 376.

В Примерном уголовном кодексе также сказано о том, что обстоятельством, освобождающим соучастника от уголовной ответственности, является его добровольный отказ от соучастия в преступлении, выраженный в активной форме. Отказ должен иметь место до совершения преступления, и лицо должно «лишить свое соучастие какой-либо эффективности» или своевременно предупредить соответствующие органы о готовящемся преступлении¹.

Также в рамках настоящей работы, помимо рассмотрения положений о добровольном отказе, принятых в уголовном праве Англии, США, Франции, рассмотрим и положения одной из ведущих стран Латинской Америки – Аргентины.

В IV разделе Общей части УК Аргентины содержится определены покушение и его правовые последствия. Согласно ст. 42, покушением расценивается любое начатое преступное деяние, не доведенное «до конца по не зависящим от воли виновного причинам». Уголовно-правовые последствия покушения состоят в установлении минимальных и максимальных границ его наказуемости, зависящих от вида наказания за оконченное преступление. Особенностью аргентинского уголовного права является возможность освобождения лица от ответственности при негодном покушении в «зависимости от степени опасности, проявленной преступником» (ст. 44). Добровольный отказ исполнителя от доведения преступления до окончания (т. е. отказ от совершения преступления, сделанный человеком по своей инициативе и при наличии возможности продолжить преступную деятельность) выступает в качестве обстоятельства, исключающего наказуемость (ст. 43)².

¹ Чупрова, О.Н. Добровольный отказ от преступления: особенности дифференциации ответственности / О.Н. Чупрова // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2007. – № 2. – С. 109.

² Кибальник, А.Г. Основные положения уголовного права Аргентины / А.Г. Кибальник // Общество и право. – 2010. – № 4. – С. 113.

Анализ дифференциации ответственности в уголовном праве зарубежных стран при неоконченном преступлении позволяет нам сделать следующие выводы.

Во-первых, значение добровольного отказа от преступления для дифференциации уголовной ответственности в различных уголовно-правовых системах многолико. В некоторых странах он исключает уголовную ответственность и наказание (Франция, ФРГ, Голландия, Дания, Болгария, Испания, Польша), в других – является основанием для смягчения наказания (например, в Японии). Общему праву США институт добровольного отказа не известен, однако в статутном праве в последнее время он находит свое проявление.

Во-вторых, в ряде стран законодатель дифференцирует особенности добровольного отказа соучастников преступления (ФРГ, Польша, Беларусь, Казахстан, Киргизия, Азербайджан).

В-третьих, более совершенными следует считать те уголовно-правовые системы, которые не дифференцируют ответственность соучастников преступления при групповом его совершении. Действия организатора, подстрекателя, пособника и соисполнителя, направленные на добровольный отказ от преступления, вполне могут быть учтены в процессе индивидуализации уголовной ответственности.

В-четвертых, законодатели зарубежных стран формулируют добровольный отказ по-разному: одни за пределами покушения и приготовления, выделяя его в самостоятельный институт уголовного права; другие признают его разновидностью покушения и приготовления, соблюдая в неприкосновенности концепцию добровольного отказа, свойственную еще в законах XIX в. К первым, прежде всего, можно отнести УК Голландии, ст. 46B которой прямо указывает на то, что при добровольном отказе нет места ни приготовлению, ни покушению, пожалуй, это единственный из кодексов (по крайней мере, нам других пока не встретилось), где так жестко,

четко и точно решена проблема соотношения пресеченной и прекращенной деятельности. При этом надо помнить, что данный уголовный закон – один из самых старейших в Европе, он вступил в силу в 1886 г., но с самого начала в нем были разделены покушение и добровольно оставленное покушение. По этому поводу А.Н. Круглевский писал: «По этим законодательствам (голландскому, испанскому и португальскому) добровольно оставленное покушение вообще не подходит под понятие о покушении». Анализируемая статья была введена в УК в 1994 г., т. е. законодатель лишь уточнил свою прежнюю позицию. Менее понятна позиция испанского законодателя, который в ст. 16 УК 1995 г. изложил и положения о покушении (ч. 1), и положения о добровольном отказе (ч. 2); не исключено, что и испанское законодательство сохранило свою прежнюю позицию о самостоятельности добровольного отказа. Похоже на то, что и законодатель Японии разделил покушение и добровольный отказ, хотя и то, и другое урегулировал в одной статье (ст. 43 УК) даже без разделения ее на части; такой вывод следует из названия статьи: «Покушение на преступление и прекращение исполнителем совершения преступления». Уголовное законодательство стран, ранее входивших в СССР и некоторых из тех, которые входили в социалистический лагерь (УК КНР), однозначно разделяет добровольный отказ и покушение.

Тем не менее, во многих странах законодатель вводит в пределы покушения и приготовления добровольный отказ. При этом позиции законодателей весьма туманны. Посмотрим на УК Австрии, в § 16 которого речь идет о добровольном отказе от покушения и ч. 1 которого начинается со слов «Исполнитель не наказывается за покушение...». Остается открытым вопрос, было все–таки покушение или его не было при добровольном отказе? Очень похоже на то, что в анализируемой норме законодатель не исключил покушения, т. е. признал добровольный отказ видом покушения, в противном случае не было необходимости упоминать в законе, регламентирующем добровольный отказ, о ненаказуемости покушения. Точно так же поступает

УК ФРГ (§ 24), УК Швеции (ст. 3 главы 23), УК Республики Польша (ст. 15, 17), УК Республики Болгария (ч. 3 ст. 17, ч. 3 ст. 18). Думается, такое решение едва ли следует признать точным в силу абсолютной несхожести пресеченной и прекращенной преступной деятельности¹.

Общий вывод следующий – давая определение добровольному отказу, законодательство зарубежных стран не отражает его четкого понятия. Тем не менее, как совершенно справедливо указывают некоторые ученые: «В данной ситуации не должно возникать иллюзий об отсталости зарубежной уголовно-правовой науки либо о несовершенстве законодательства. Такое положение объясняется правовыми традициями и особенностями юридической техники. Зарубежные правоведы считают, что определение понятий – преимущественно задача юридической науки, тем более, что дефиниций может быть множество. Кроме того, некоторые понятия вообще невозможно четко определить, а обойтись без них законодатель не может. Безусловно данный подход имеет недостатки. Заранее не уточненные в уголовном законе понятия переносят научные дискуссии в зал суда, а отсюда возникает необходимость в судебном толковании. Американские юристы, говоря о проблемах толкования уголовного законодательства, шутят, что заранее никогда не известно, будет ли человек осужден за данное преступление к смертной казни или суд вообще не сочтет его деяние преступным»².

¹ Козлов, А.П. – Указ соч. – С. 320.

² Малиновский, А.А. Уголовное право зарубежных государств / А.А. Малиновский. – М.: Новый Юрист, 1998. – С. 3.

2 СООТНОШЕНИЕ ДОБРОВОЛЬНОГО ОТКАЗА И ДРУГИХ ИНСТИТУТОВ УГОЛОВНОГО ПРАВА

2.1 Сравнительный анализ добровольного отказа и деятельного раскаяния

Для того, чтобы наше исследование было максимально полным важное значение приобретает отграничение добровольного отказа от деятельного раскаяния.

При добровольном отказе и при деятельном раскаянии лицом в некоторых случаях совершаются внешне сходные действия, различие между которыми можно установить лишь в результате глубокого анализа объективных и субъективных признаков совершенного деяния. Однородность совершаемых действий требует установления четкого различия между ними, во-первых, потому что добровольный отказ и деятельное раскаяние представляют собой самостоятельные институты уголовного права и, во-вторых, потому что они предусматривают различные юридические последствия: добровольный отказ освобождает лицо от уголовной ответственности, а деятельное раскаяние по общему правилу не освобождает, а лишь смягчает наказание. Поэтому закон придает деятельному раскаянию значение обстоятельства, освобождающего от уголовной ответственности, только при наличии определенных условий¹.

В связи с этим важно определить саму сущность деятельного раскаяния.

Прежде всего, определимся с понятием «деятельное раскаяние». Согласно научным точкам зрения деятельное раскаяние может представляться как «общественно полезное, позитивное постпреступное поведение, вызываемое экономическими, социальными, психологическими и нравственными побуждениями, желанием искупить вину; оно должно быть активно и выражаться вовне»², либо как «активное добровольное поведение лица,

¹ Орлова, А.И. Указ.соч. – С. 75.

² Деятельное раскаяние в совершенном преступлении: практическое пособие / под ред. С.П. Щерба. – М.: Спарк, 1997. – С. 11.

совершившего преступное деяние (оконченное, покушение), которое направлено на предотвращение, ликвидацию или уменьшение фактических вредных последствий содеянного либо на оказание помощи правоохранительным органам в раскрытии совершенного преступления»¹.

Отсутствие в законодательстве самого термина «деятельное раскаяние» приводило иногда к неправильным выводам. Так, Н.В. Соколова указывала, что если законодательство обходится без применения термина «деятельное раскаяние», а разноречивые суждения о деятельном раскаянии в теоретических исследованиях не способствуют правильному применению этого понятия не лучше ли вообще отказаться от этого термина².

Подобная точка зрения не нашла своей поддержки в работах других авторов³. Более того с принятием УК 1996 г. появился новый вид освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием (ст. 75 УК РФ).

Согласно ст. 75 УК РФ лицо, впервые совершившее преступление небольшой или средней тяжести, может быть от уголовной ответственности если оно выполнило ряд условий, которые мы раскроем ниже.

Что же касается термина «совершившее преступление впервые», то в науке уголовного права относительно него высказан достаточно широкий спектр мнений⁴, изучив который вывод мы сделали вывод о том, что лицо считается совершившим преступление впервые в следующих случаях:

¹ Коновский, А.М. Категории преступлений и вопросы освобождения от уголовной ответственности / А.М. Коновский // Российский следователь. – 2003. – № 2. – С. 30.

² Соколова, Н.В. Значение института добровольного отказа от совершения преступления в укреплении социалистической законности / Н.В. Соколова. – Ташкент: Ташкентская типография, 1966. – С. 80.

³ Никулин, С.И. Деятельное раскаяние и его значение для органов внутренних дел по борьбе с преступностью / С.И. Никулин. – М.: Изд-во МВШ МВД СССР, 1985. – С. 12–15.

⁴ Михайлов, А.Н. Совершение преступления впервые как одно из условий прекращения уголовного преследования в связи с деятельным раскаянием / А.Н. Михайлов // Вестник Сибирского юридического института ФСКН России. – 2013. – № 1. – С. 122; Уголовное право Российской Федерации. Общая часть : учебник / под ред. А.И. Марцева. – Омск: Юридический ин-т МВД России, 1998. – С. 271; Мельниченко, А.Б. Уголовное право. Общая и Особенная части: учебное пособие / А.Б. Мельниченко, С.Н. Радачинский. – М.: МЦ ГУК МВД России, 2002. – С. 218; Наумов, А.В. Указ.соч. – С. 405; Комментарий к

- 1) когда оно ранее не совершало никаких преступлений;
- 2) когда прежде привлекалось к уголовной ответственности, но было освобождено от нее, а уголовное дело прекращено по основаниям, предусмотренным действующими уголовным и уголовно-процессуальным законодательством, независимо от того, являются ли они реабилитирующими или не реабилитирующими;
- 3) когда оно было освобождено от уголовного наказания;
- 4) когда судимость за ранее совершенное преступление погашена или снята в установленном законом порядке.

Действующий УК РФ придает деятельному раскаянию широкое значение – оно может служить как основанием для освобождения от уголовной ответственности¹, так и смягчать наказание.

Таким образом, норма, содержащаяся в ст. 75 УК РФ, имеет управомочивающий характер, а именно суд по своему усмотрению может освободить лицо от уголовной ответственности либо смягчить наказание.

Мнение о диспозитивном характере этих норм разделяют большинство современных криминалистов². Адекватно букве закона воспринимается смысл этих статей и практикой. Согласно п. 16 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 8 декабря 2008 г. № 25 «О судебной практике по делам, связанным с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения», прекращение уголовного дела о преступлении, предусмотренном

Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. А.В. Наумова. – М.: Инфра-М, 2000. – С. 206; Базаров, Р.А. Освобождение от уголовной ответственности и наказания: учебное пособие / Р.А. Базаров, К.В. Михайлов. – Челябинск: Челябинский юрид. ин-т МВД России, 2001. – С. 19.

¹ Дело № 1-113/2013 ... из архива Озерского городского суда Челябинской области за 2013 г.; Дело № 1-323/2011 ... из архива Озерского городского суда Челябинской области за 2011 г.; Дело № 1-517 ... из архива Златоустовского городского суда Челябинской области за 2011 г.;

² Грачева, Ю.В. Источники судебского усмотрения в нормах освобождения от уголовной ответственности / Ю.В. Грачева // Русский закон. – 2011. – № 3. – С. 505; Головкин, Л. Классификация освобождений от уголовной ответственности / Л. Головкин // Законность. – 1998. – № 11. – С. 38.

ст. 264 УК РФ, за примирением сторон (ст. 25 УПК РФ) является правом, а не обязанностью суда; принимая решение, следует оценивать, соответствует ли оно целям и задачам защиты прав и законных интересов личности, общества и государства¹.

Конституционный Суд РФ также поддерживал эту позицию².

В ст. 75 УК РФ дается примерный перечень активных позитивных действий, которые охватываются понятием деятельного раскаяния. К таким действиям относятся: явка с повинной; способствование самого правонарушителя раскрытию совершенного преступления; добровольное возмещение причиненного ущерба; заглаживание причиненного преступлением вреда иным образом.

Рассмотрим эти обстоятельства подробнее.

Явка с повинной заключается в том, что виновный добровольно приходит в правоохранительные органы либо к официальным лицам с правдивым заявлением о совершенном им преступлении и тем самым выражает намерение понести соответствующее наказание.

Способствование раскрытию преступления как форма деятельного раскаяния выражается в совершении самим виновным таких действий, которые оказывают существенную помощь органам расследования в установлении фактических обстоятельств преступления, лиц его совершивших, пресечении преступной деятельности, в обнаружении орудий преступления, имущества, подлежащего возвращению потерпевшим, возмещению причиненного преступлением материального ущерба.

¹ Постановление Пленума ВС РФ «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения» от 09.12.2008 № 25 // Российская газета. – 2008. – № 265.

² Определение Конституционного Суда РФ «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Ленинского районного суда города Махачкалы о проверке конституционности статьи 25 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» от 4 июня 2007 г. № 519-О-О.//Доступ из СПС Консультант плюс

Нормы УПК РФ¹ к таким действиям, в частности, относят: чистосердечное признание своей вины, личное добровольное участие в предусмотренных законодательством оперативно-розыскных мероприятиях, направленных на раскрытие преступления, установление фактических обстоятельств дела, лиц, причастных к совершению преступления.

Следующими формами деятельного раскаяния являются возмещение причиненного ущерба и заглаживание вреда, причиненного преступлением, иным способом.

По вопросу о том, какие способы устранения вреда закреплены в действующем законодательстве, следует отметить, что в уголовно-процессуальной учебной и научной литературе как единственный способ устранения вреда, причиненного преступлением, описывается институт гражданского иска в уголовном процессе². Например, О.В. Петрова констатирует, что «в настоящее время единственным средством возмещения вреда, причиненного преступлением, остается гражданский иск»³. Но это не совсем так, а вернее совсем не так. Предвосхищая дальнейшие рассуждения, отметим, что понятие «способ», как известно, раскрывается следующим определением: «способ – образ действий, прием, метод для осуществления, достижения чего-либо; возможность, средство, реальные условия для осуществления чего-либо». В соответствии с такой общей этимологией понятия «способ» и будет рассмотрено его юридическое определение. Во-первых, способы возмещения вреда, причиненного преступлением⁴, и

¹ Уголовно-процессуальный Кодекс РФ от 18.12.2001 № 174-ФЗ // СЗ РФ. – 2001. – № 52 (ч. 1). – Ст. 4921.

² Пыталев, Р.М. Альтернативы уголовному преследованию и наказанию в виде лишения свободы – случайное заимствование зарубежного опыта или последовательное развитие отечественного законодательства и практики правоприменения / Р.М. Пыталев // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции. – 2011. – № 4. – С. 138.

³ Петрова, О.В. Восстановительное правосудие: новое направление в решении задач уголовного процесса / О.В. Петрова // Науч.-практ. центр проблем укрепления законности и правопорядка Генер. прокуратуры Респ. Беларусь. – Минск: БГУ, 2009. – С. 303.

⁴ Гражданский иск в уголовном процессе: предъявление, доказывание, рассмотрение / Р.М. Пыталев. – Минск: БГУ, 2003. – С. 17–28.

способы защиты гражданских прав (ст. 12 ГК РФ¹) – разные, и по форме, и по содержанию. А во-вторых, если в цивилистическом понимании способа защиты права, удовлетворение лица за причиненный ему вред полностью зависит от способа действий самого пострадавшего лица (то есть имеется в виду определение понятия «способ» в первом из приведенных выше значений), то, в уголовно-процессуальном понимании, исходя из принципа публичности, удовлетворение пострадавшего зависит от разных действий разных участников, включая и само пострадавшее лицо (то есть «способ» во втором из приведенных выше значений). Иными словами, способ устранения вреда, причиненного преступлением, в уголовном процессе – установленная уголовно-процессуальным законодательством процедура (процессуальные возможности) уголовно-процессуальной деятельности (действий) участников по устранению вреда, причиненного преступлением. Эта задача (устранение вреда, причиненного преступлением) может решаться как деятельностью самих физических или юридических лиц, которым преступлением причинен вред (предъявление гражданского иска, примирение, прощение, отказ от иска и др.), так и деятельностью (действиями) других участников уголовного процесса (иные способы). В частности, задача устранения вреда, причиненного преступлением, может быть решена подозреваемым, обвиняемым, осужденным добровольно и должна быть решена органом, ведущим уголовный процесс, как по инициативе физического или юридического лица, которым преступлением причинен вред, так и в описанных действующим УПК РФ случаях по собственной инициативе. В любом случае, орган, ведущий уголовный процесс, обязан принять меры по обеспечению возмещения вреда, причиненного преступлением, потому что уголовная ответственность призвана способствовать восстановлению социальной справедливости. При этом результат – устранение вреда, причиненного преступлением, достигается, как было уже отмечено, в

¹ Гражданский Кодекс РФ (часть 1) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // СЗ РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.

результате разной уголовно-процессуальной деятельности (действий) разных участников уголовного процесса.

Поскольку в действующем законодательстве имеются разные способы устранения вреда, причиненного преступлением, уместной будет их классификация по отраслевому признаку: 1) уголовно-правовые; 2) уголовно-процессуальные; 3) гражданско-правовые; 4) гражданско-процессуальные; 5) не юридические.

К первой группе способов относятся: 1) оказание медицинской или иной помощи потерпевшему непосредственно после преступления; 2) добровольное возмещение ущерба (вреда); 3) устранение вреда, причиненного преступлением; 4) иные действия, направленные на заглаживание вреда; 5) иные условия освобождения от уголовной ответственности, предусмотренные законодательным актом.

Ко второй группе: 1) примирение с потерпевшим; 2) реституция вещи; 3) иск прокурора; 4) иск государственного обвинителя; 5) разрешение вопроса о возмещении вреда судом по собственной инициативе.

К третьей группе: 1) договор; 2) отступное; 3) прекращение обязательства зачетом; 4) прекращение обязательства совпадением должника и кредитора в одном лице; 5) прекращение обязательства новацией; 6) прощение долга; 7) возмещение вреда в натуре или возмещение убытков (глава 59 ГК РФ¹).

К четвертой группе: 1) отказ от иска, признание иска, 2) мировое соглашение сторон.

К последней, пятой группе, относятся такие способы как, например, экстренная медицинская помощь, психологическая помощь, социальная реабилитация и адаптация, добровольные пожертвования, возмещение причиненного вреда членами семьи, близкими родственниками, организацией, иными лицами и прочие не юридические способы, часто встречающиеся в правоприменительной практике.

¹ Гражданский Кодекс РФ (часть 2) от 26.01.1996 № 14-ФЗ // СЗ РФ. – 1996. – № 5. – Ст. 410.

Несложно заметить, что действующее законодательство содержит множество разнообразных способов устранения вреда, причиненного преступлением, то есть формальные условия для решения задач уголовного процесса законодателем созданы.

Что касается зарубежного опыта, то институт деятельного раскаяния и отдельные его признаки регламентированы по-разному. Уголовное законодательство одних стран закрепляет деятельное раскаяние как совокупность обстоятельств, смягчающих уголовную ответственность или наказание (Уголовные кодексы Дании, Швеции, Швейцарии, Китая, КНДР, Японии). Другие государства содержат указание на деятельное раскаяние только в общих правилах назначения наказания (Уголовные кодексы Франции, Германии, Японии, Болгарии и Польши). Все изученные уголовные законы предусматривают специальные виды деятельного раскаяния к отдельным нормам в статьях (примечаниях) Особенной части, исключением является УК Нидерландов.

Уголовное право и процесс США, Голландии основаны на системе общего права и принципиально отличаются от российского права. Для них характерно не полностью кодифицированное уголовное законодательство, наличие иных (помимо кодекса) правовых актов, регулирующих вопросы уголовного права; наличие правовых систем внутри отдельных административных единиц; переплетение норм материального и процессуального права, а также установление широких пределов судейского усмотрения при решении вопросов, относящихся к общей части уголовного права, в частности, при назначении наказания и иных мер уголовно-правового характера¹.

Уголовное законодательство США, Нидерландов не содержит норм о смягчении наказания в случае позитивного посткриминального поведения

¹ Меньшикова, Н.А. Особенности регламентации института деятельного раскаяния в уголовном законодательстве зарубежных государств / Н.А. Меньшикова // Вестник Кузбасского института. – 2012. – № 5. – С. 69.

лица. Но существующий уголовно-процессуальный институт «сделки о признании вины» предоставляет определённые возможности для виновного своим поведением влиять на окончательное решение по делу. Так, УК Голландии строго определяет, что исключение уголовного судопроизводства возможно при совершении проступков и преступлений, за которые наказание установлено не более шести лет тюремного заключения, и соблюдении определенных условий. Так, в соответствии со ст. 74 голландского УК условиями сделки являются: выплата суммы денег государству, отказ от арестованных или подлежащих конфискации предметов или права на них, полная или частичная компенсация причинённого преступлением ущерба. При выполнении одного или нескольких выдвинутых условий право прокурора на уголовное преследование прекращается¹.

Прокуратура может прекращать уголовные дела по политическим соображениям, т. е. «в целях защиты общественных интересов» в соответствии со ст. 167, 242 УПК Нидерландов. К случаям уголовно-правового отказа относятся ситуации, когда предъявление обвинения будет несправедливо, несвоевременно или неэффективно по причинам, относящимся к личности преступника (среди прочих названы совершение преступления впервые и перспектива исправления виновного), или когда предъявление обвинения будет противоречить интересам потерпевшего, при возмещении лицом причинённого ущерба².

Ещё недавно традиционная критика института «сделки о признании вины» сменилась попытками его сравнения с деятельным раскаянием. Так, одни исследователи прообразом «сделки» считают норму, закреплённую в ст. 62 УК РФ, другие – в ст. 75 УК РФ. Данный институт лишь условно можно сравнивать с деятельным раскаянием, так как при «сделке» обвиняемый должен только признать вину без конкретных действий, которые

¹ Уголовный кодекс Голландии / под ред. Б.В. Воложенкина. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2001. – С. 193–195.

² Система санкций в уголовном праве Голландии и России / под ред. А.Н. Тарбагаев. – Красноярск: КВШ МВД РФ, 1997. – С. 18–19.

требуются от него при деятельном раскаянии. Сближает институты деятельного раскаяния и сделки о признании вины возможность своим поведением оказывать влияние на исход дела.

В странах, воспринявших романо-германскую систему права, таких, как Франция, Германия, Япония, Болгария и Польша, признание каких-либо обстоятельств, смягчающих наказание, отнесено к усмотрению суда. Общие правила назначения наказания в уголовных законах указанных стран рекомендуют учитывать поведение виновного после совершения преступления. В Уголовных кодексах Польши и ФРГ особенно выделяется лишь один признак деятельного раскаяния: это усилия виновного по устранению или заглаживанию причинённого преступлением вреда (§ 2 ст. 53, ст. 60 УК Республики Польша и ч. 2 § 46 УК ФРГ). УК Франции также выделяет признак возмещения причинённого вреда как основание освобождения от наказания (ч. 1 ст. 132–59 УК Франции).

Объем и содержание обстоятельств, смягчающих ответственность или наказание и составляющих деятельное раскаяние, в зарубежном законодательстве определены неодинаково. Так, например, по законодательству Испании к обстоятельствам, смягчающим уголовную ответственность, относятся: признание виновного властям в совершении преступления, когда он не знает о возбуждении уголовного дела против него; действия виновного, направленные на возмещение ущерба, причинённого потерпевшему, или устранение его последствий на любой стадии производства по делу до вынесения приговора (ст. 22 УК Испании¹).

УК Дании к обстоятельствам, уменьшающим наказание, относит: если после совершения наказуемого деяния преступник свободно и добровольно предотвратил опасность, вызванную данным деянием; если после совершения наказуемого деяния преступник полностью возместил ущерб, причинённый его деянием; если он иным образом свободно и добровольно

¹ Уголовный кодекс Испании / под ред. Н.Ф. Кузнецовой. – М.: Зерцало, 1998. – С. 55.

предпринял попытки предотвратить совершение наказуемого деяния или восстановить причинённый им ущерб; если он свободно и добровольно сдался и полностью признал вину (§ 81 УК Дании¹). Такая регламентация обстоятельств, смягчающих наказание, приводит к фактическому объединению добровольного отказа (п. 6, 8 § 81) и деятельного раскаяния виновного (п. 7, 9 § 81).

Шведский УК, помимо смягчающих обстоятельств, отдельно указывает на признаки деятельного раскаяния, а именно: старался ли обвиняемый сделать всё от него зависящее, чтобы предотвратить, исправить или ограничить вредные последствия преступления; выдал ли обвиняемый себя добровольно (ст. 29:5 УК Швеции²).

Формулировка п. 2 ст. 29:5 УК Швеции, на первый взгляд, может быть расценена как вариант добровольного отказа от преступления, но ст. 23:3 УК Швеции, в отличие от УК Дании, прямо предусматривает освобождение от ответственности лиц, добровольно отказавшихся от преступления. Поэтому предотвращение вредных последствий преступления, предусмотренное ст. 29:5 УК Швеции, должно рассматриваться как деятельное раскаяние в виде предотвращения последствий, лежащих за рамками оконченного преступления.

Единственным уголовным кодексом, который не только называет деятельное раскаяние среди обстоятельств, смягчающих наказание, но и даёт его законодательное определение, является УК Швейцарии³ (ст. 22, 64).

В соответствии с ч. 2 ст. 22 УК Швейцарии деятельным раскаянием признается содействие лица по собственной инициативе не наступлению преступного результата или предотвращение его наступления. Это единственное определение деятельного раскаяния из всех рассмотренных

¹ Уголовный кодекс Дании / под ред. С.С. Беляева. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2001. – С. 101.

² Уголовный кодекс Швеции / под ред. Н.Ф. Кузнецовой. – М., 2001. – С. 93.

³ Уголовный кодекс Швейцарии / под ред. А.В. Серебренникова. – М.: Зерцало, 2000. – С. 78.

кодексов. Недостатком данного определения является то, что деятельное раскаяние неразрывно связывается со стадиями совершения преступления и по сути представляет один из вариантов добровольного отказа от преступления на стадии оконченного покушения. Кроме этого, в законе не обозначена возможность деятельного раскаяния при оконченном преступлении.

Значительное место деятельному раскаянию уделяется в Уголовном кодексе Китайской Народной Республики (1997 г.). Институт уголовного права, именуемый «лигун»² или «искупление вины заслугами», закреплён в ст. 37, 67–68, 72, 78–81 УК КНР и подразумевает самоотверженные поступки, поступки ради общества, демонстрирующие лояльность. Однозначно этот термин с китайского языка не переводится в силу многообразия его содержания.

Согласно ст. 68 УК КНР искупление вины заслугами имеет место в случаях: лицо разоблачает преступные действия других лиц; сообщит о другом преступлении, которое после проверки окажется реальным; предоставляет правоохранительным органам информацию, которая способствовала бы раскрытию и расследованию преступления; совершает другие подобные действия.

«Лигун» принадлежит к категории, выражающей прежде всего отношение лица к факту преступного действия. Китайские правоведы делают акцент не на факте предотвращения ущерба, а на переоценке самим виновным совершенного преступления, осознании его «отвратительности» и решимости раскаяться и «самоотверженно» искупить вину. Об эффективности данного института в правоприменении Китая говорят факты, приведённые в докладе председателя Верховного народного суда КНР: «В период с 1982 по 1987 гг. за раскаяние и проявление «лигуна» в отношении 495 057 осуждённых применено смягчение наказания вплоть до освобождения от него».

Проявление больших заслуг возможно не только до судебного

рассмотрения дела, эти положения закона распространяются на лиц, осуждённых к определённым видам наказания, что влечёт снижение срока наказания (ст. 78 УК КНР), либо является одним из оснований условно-досрочного освобождения от отбывания наказания (ст. 81 УК КНР)¹.

В законодательстве зарубежных государств, где отсутствует закреплённый перечень обстоятельств, смягчающих наказание (Франция, Германия, Япония, Болгария и Польша), а также и тех, где он имеется (Дания, Швеция, Швейцария, Испания), особое значение придается такому признаку деятельного раскаяния, как возмещение или заглаживание причинённого преступлением вреда. И ни в одном из уголовных кодексов мы не встретили признака способствования раскрытию преступления.

Явка с повинной встречается крайне редко в законодательстве зарубежных стран. Традиционное её закрепление в законодательстве России свидетельствует об отражении нравственных и гуманных начал национального уголовного права. Уголовные кодексы Дании и Швейцарии как обстоятельство, смягчающее наказание, содержат указание на явку с повинной как добровольную выдачу себя властям. В Уголовном кодексе Франции по отдельным нормам Особенной части предусмотрено смягчение наказания в случае предупреждения административной или судебной власти о совершённом преступлении (что, на наш взгляд, следует расценивать как явку с повинной).

Из стран Азиатско-Тихоокеанского региона уголовные кодексы Японии (ст. 42) и Китая (ст. 67) закрепляют явку с повинной в отдельной норме закона, а по законодательству Северной Кореи она наряду с чистосердечным раскаянием в содеянном является обстоятельством, смягчающими ответственность (ст. 33 УК КНДР).

При различном изложении признаков деятельного раскаяния, в законодательстве зарубежных стран правовые последствия деятельного

¹ Ахметшин, Х.М. Новое уголовное законодательство КНР / Х.М. Ахметшин, Н.Х. Ахметшин // Государство и право. – 1998. – № 10. – С. 74.

раскаяния можно объединить в следующие группы¹:

1) простое (нефиксированное) смягчение наказания (ч. 1 § 81 УК Дании, ст. 29:6 УК Швеции, ст. 66 УК Швейцарии, ч. 2 § 46 УК ФРГ, ст. 22 УК Испании, ст. 33 УК КНДР, ст. 68 УК КНР);

2) назначение наказания ниже низшего предела (ч. 2 ст. 22 и ст. 66 УК Швейцарии, ст. 60 УК Польши, ст. 68 УК КНР);

3) освобождение от наказания (ч. 2 § 81 УК Дании, ст. 29:6 УК Швеции, ч. 1 ст. 132–59 УК Франции, ст. 68 УК КНР).

Деятельное раскаяние как основание освобождения от уголовной ответственности впервые получило ныне существующую законодательную формулу в Модельном уголовном кодексе для государств – участников Содружества Независимых Государств, принятом 17 февраля 1996 г. на седьмом пленарном заседании Межпарламентской ассамблеи государств – участников СНГ. Законодательство республик Беларусь, Украина, Грузия, Узбекистан и Азербайджан восприняли новеллу о деятельном раскаянии, и она была включена в национальное законодательство. Данные нормы мало чем отличаются от российского аналога ст. 75 УК РФ.

В Уголовных кодексах республик Узбекистан, Казахстан и Латвии норма о деятельном раскаянии дополнена положениями об освобождении от уголовной ответственности (наказания) лиц, совершивших преступление в составе организованной группы или преступного сообщества (преступной организации). Условиями такого освобождения в соответствии с ч. 2 ст. 71 УК Республики Узбекистан, ч. 3 ст. 58 УК Латвии и ч. 2 ст. 65 УК Республики Казахстан являются: совершение преступления в составе организованной группы или преступного сообщества (преступной организации); совершение тяжкого (УК Латвийской Республики) или особо тяжкого преступления (по УК Республики Казахстан исключение составляют тяжкие или особо тяжкие преступления против личности). УК Республики

¹ Иванов, А.М. Преступление и наказание в странах Азиатско-Тихоокеанского региона / А.М. Иванов, А.Г. Корчагин. – Владивосток: ДВГУ, 1999. – С. 16.

Узбекистан исключает освобождение от наказания, если лицо непосредственно принимало участие в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления; активное содействие (существенная помощь) предотвращению, раскрытию или расследованию преступлений, совершённых организованной группой или преступным сообществом (преступной организацией); изобличение других соучастников преступлений (только в УК РК); явка с повинной и чистосердечное раскаяние (только в УК Республики Узбекистан).

Проанализировав регламентацию деятельного раскаяния в зарубежном уголовном праве, акцентируем внимание на следующих моментах.

Анализ уголовного зарубежного законодательства позволяет сделать вывод об отсутствии единой концепции построения норм о деятельном раскаянии в национальных правовых системах. Регламентация видов деятельного раскаяния и правовых последствий его осуществления применительно к отдельным составам преступлений, но в отсутствие общей нормы, делает институт деятельного раскаяния разобщённым и лишённым единого стержня.

Разобщённость норм о специальных видах деятельного раскаяния в зарубежном законодательстве, отсутствие понятия деятельного раскаяния, чёткой регламентации составляющих его признаков, закрепление широкого диапазона правовых последствий этого института без указания условий применения (простое или фиксированное снижение наказания, освобождение от него или от ответственности); отсутствие единой терминологии даже в рамках отдельно взятого уголовного закона – всё это не лучшим образом отражается на профилактической функции деятельного раскаяния.

Некоторые положения уголовного закона зарубежных стран могут быть успешно использованы в Общей части российского уголовного права.

В целом же богатый мировой опыт регламентации деятельного раскаяния, отдельных его признаков, конкретных форм при совершении некоторых

видов преступлений предоставляет широкие возможности российскому законодателю для дальнейшего совершенствования отечественной нормативной базы в области дифференциации уголовной ответственности и индивидуализации наказания.

Исходя из анализа сущности добровольного отказа и деятельного раскаяния, приведенного выше, мы можем сопоставить эти два института в целях их наиболее четкого разграничения.

Это разграничение необходимо, чтобы устранить те затруднения, которые и сейчас имеют место на практике. Итак, отличие добровольного отказа от деятельного раскаяния сводится к следующим моментам:

1. Добровольный отказ от совершения преступления сопутствует лишь умышленной преступной деятельности, он может иметь место только на стадии приготовления и неоконченного покушения. Деятельное раскаяние может быть установлено как при умышленном преступлении, так и при совершении преступления по неосторожности. Закон говорит о явке с повинной, способствовании раскрытию преступления, добровольном возмещении причиненного ущерба, о заглаживании вреда иным образом, не связывая это с формой вины.

2. Добровольный отказ возможен лишь до момента окончания преступления. Оконченное преступление исключает возможность добровольного отказа от совершения преступления, так как лицу уже не от чего отказываться, в его действиях содержатся признаки состава конкретного преступления. Деятельное раскаяние имеет место как при оконченом, так и при неоконченном преступлении. Возмещение виновным причиненного ущерба, устранение причиненного вреда после окончания преступления свидетельствует только лишь о деятельном раскаянии. Но такая деятельность также возможна и при неоконченном преступлении. Для разграничения добровольного отказа и деятельного раскаяния на стадии неоконченного преступления необходимо учитывать, почему именно

прекращено совершение преступления.

3. Характерным признаком добровольного отказа является прекращение преступления добровольно. Добровольное прекращение лицом совершения преступления на стадии приготовления или неоконченного преступления и последующая его деятельность по предотвращению вредных последствий, возмещению ущерба и другие подобные действия уже не могут изменить природы совершенного – деятельность лица будет подпадать под признаки добровольного отказа.

Отличие же деятельного раскаяния от добровольного отказа на стадии приготовления или покушения состоит в том, что лицо в случае деятельного раскаяния прекращает совершение преступления помимо своей воли, и только после этого совершает действия по предотвращению вредных последствий, возмещению причиненного ущерба и т. п. Прекращение преступной деятельности лица помимо его воли может произойти в результате пресечения органами правосудия, а также в результате возникновения различного рода препятствий, помешавших или затруднивших совершение преступления.

4. При добровольном отказе от совершения преступления в действиях лица отсутствует состав преступления (за исключением тех случаев, когда в совершенном до добровольного отказа деянии содержится состав иного преступления).

Деятельное раскаяние характеризуется тем, что в действиях, совершенных до него, всегда содержится состав преступления.

5. Добровольный отказ освобождает лицо от уголовной ответственности за то деяние, от совершения которого оно отказалось. Деятельное раскаяние лишь смягчает эту ответственность.

6. Добровольный отказ, как правило, выражается в простом воздержании от дальнейшего совершения преступления. Деятельное раскаяние всегда выражается в совершении активных действий, активном поведении лица. На

стадии оконченого покушения после окончания преступления совершение активных действий является обязательным.

7. В преступлениях с материальным составом может иметь место как добровольный отказ, так и деятельное раскаяние. В преступлениях с формальными составами данный вопрос решается неоднозначно. В связи с этим К.А. Панько подразделяет преступления с формальными составами на три группы¹. В первую группу входят преступления, при совершении которых могут быть все стадии предварительной преступной деятельности. В этих случаях возможен и добровольный отказ, и деятельное раскаяние. Вторую группу составляют преступления, которые являются окончанным либо на стадии приготовления к совершению преступления, либо на стадии покушения. В преступлениях, которые считаются окончанными на стадии приготовления к совершению преступления, добровольный отказ возможен до окончания приготовительных действий, в процессе их совершения. После их окончания может иметь место деятельное раскаяние. Когда преступление считается окончанным на стадии покушения, добровольный отказ возможен на стадии приготовления к совершению преступления. При этом деятельное раскаяние сожжет иметь место лишь после покушения. Третья группа – преступления, при совершении которых не может быть ни стадии приготовления, ни стадии покушения. Так как уже первый акт совершения действий образует окончанный состав преступления и, следовательно, добровольный отказ невозможен, а возможно деятельное раскаяние².

Установление отличий добровольного отказа от деятельного раскаяния есть отграничение преступного от неприступного.

¹ Панько, К.А. Некоторые вопросы освобождения от уголовной ответственности / К.А. Панько. – М.: Норма, 1998. – С. 30.

² Гладких, А.А. Проблемы разграничения оснований освобождения от уголовной ответственности по ст. 31 и 75 УК РФ / А.А. Гладких // Известия Иркутской государственной экономической академии. – 2002. – № 3. – С. 75.

2.2 Отграничение добровольного отказа от специальных оснований освобождения от уголовной ответственности и вынужденного прекращения преступления

В уголовном законодательстве нет определения специальных оснований освобождения от уголовной ответственности и их признаков. По мнению А.Г. Антонова специальные основания освобождения от уголовной ответственности – это предусмотренные в форме примечаний к некоторым статьям Особенной части УК РФ относительно самостоятельные уголовно-правовые нормы, направленные на выявление и пресечение совершающихся преступлений либо предотвращение более тяжких преступлений и стимулирующих позитивное посткриминальное поведение виновного, на основании которого правоприменитель обязан освободить его от уголовной ответственности, предусмотренной санкцией соответствующей статьи¹.

В подавляющем большинстве специальные основания освобождения от уголовной ответственности, как и добровольный отказ, включают в себя признак добровольности. В частности, он отражен в примечаниях к ст. 126, 127.1, 204, 206, 208, 210 и т. д. УК РФ.

В основе большинства специальных оснований освобождения от уголовной ответственности, как и при добровольном отказе, лежит требование законодателя от прекращения преступления: сдать незаконно находящееся у виновного оружие или наркотические средства, выйти из незаконного вооруженного формирования или преступного сообщества, отпустить похищенного человека.

Однако при добровольном отказе достаточно просто прекратить приготовление или покушение на преступление, а специальные основания освобождения от уголовной ответственности, как правило, требуют

¹ Антонов, А.Г. Соотношение специальных оснований освобождения от уголовной ответственности и добровольного отказа от совершения преступления / А.Г. Антонова // Вестник Владимирского юридического института. – 2001. – № 1. – С. 50.

некоторой публичности такого прекращения. Например, преступник добровольно прекращает душить жертву и уходит – это добровольный отказ от убийства. При незаконном обороте оружия, например, необходимо, чтобы виновный сдал оружие в правоохранительные органы, тем самым заявив о совершении преступления. Однако и в условиях специальных оснований освобождения от уголовной ответственности также может отсутствовать элемент публичности. Так, при добровольном освобождении похищенного человека, виновному достаточно освободить потерпевшего, не заявляя при этом в правоохранительные органы.

Прекращения покушения на преступление или приготовление к нему как типовое деяние при добровольном отказе четко не регламентировано в УК РФ. А каждое специальное основание освобождения от уголовной ответственности содержит в себе конкретные позитивные постпреступные деяния, которые должен совершить виновный для освобождения его от уголовной ответственности. Такие деяния закрепляются исходя из характера преступлений, к которым предусмотрены специальные основания освобождения от уголовной ответственности.

Осознание продолжать преступление при исследуемых основаниях аналогично осознанию возможности доведения начатого преступления до конца при добровольном отказе. Окончателюность отказа от продолжения преступной деятельности вытекает из характера общественной опасности преступления, к которому предусмотрены специальные основания освобождения от уголовной ответственности. Например, если заложники отпущены, вероятность продолжения этого преступления отсутствует.

Однако на этом сходство добровольного отказа и специальных оснований освобождения от уголовной ответственности не заканчивается.

Определимся с признаками специальных оснований освобождения от уголовной ответственности. Так, специальные основания освобождения от уголовной ответственности: закрепляются в большинстве случаев в

отношении преступлений с «кумулятивной» опасностью. Такая опасность характеризуется реальной возможностью или неизбежностью эскалации на другие объекты уголовно-правовой охраны; являются относительно самостоятельными уголовно-правовыми нормами, закрепленными применительно к конкретным преступлениям; закрепляются в форме примечаний к статьям Особенной части УК РФ; направлены на выявление других преступлений (примечание к ст. 291 УК РФ) либо на предотвращение более тяжких преступлений относительно преступления, к которому примечание применяется (примечание к ст. 126 УК РФ); стимулируют конкретное альтернативное позитивное поведение виновного после или во время совершения преступления; подлежат обязательному учету и применению.

Сходными чертами добровольно отказа и специальных оснований освобождения от уголовной ответственности является то, что обе эти категории представляют собой основания освобождения от уголовной ответственности. При добровольном отказе не наступают общественно опасные последствия или деяние вообще не совершается, т. е. общественная опасность не получает своей полной реализации. Специальные основания освобождения от уголовной ответственности также обуславливают нейтрализацию «кумулятивной» опасности, не дают ей развиваться относительно других общественных отношений.

В сущности, оба исследуемых основания являются альтернативными вариантами разрешения уголовно-правового конфликта, дают преступнику возможность нейтрализовать общественную опасность своего преступления.

Мотивы и цели виновного при добровольном отказе и при специальных основаниях освобождения от уголовной ответственности значения не имеют.

Освобождения от уголовной ответственности и в том и в другом случае носит окончательный, безусловный характер.

Оба института регламентируют неоконченную преступную деятельность.

Разница лишь в том, что добровольный отказ относится к преступной деятельности неоконченной юридически, а специальные основания освобождения от уголовной ответственности предусмотрены в отношении преступной деятельности, оконченной юридически, но фактически не оконченной (большинство таких оснований предусмотрены в отношении деящих преступлений). К такой деятельности нормы о добровольном отказе применить затруднительно. В связи с этим законодатель предусмотрел относительно оконченных юридически, но не оконченных фактически специальные основания освобождения от уголовной ответственности. Следовательно, рассматриваемые нормы регулируют вопросы освобождения от уголовной ответственности при неоконченной преступной деятельности.

Однако есть ряд черт, которые отличают добровольный отказ от специальных оснований освобождения от уголовной ответственности.

Главное отличие кроется в целях их установления. Добровольный отказ направлен на пресечение совершаемого преступления и на предотвращение его преступного результата. Специальные основания освобождения от уголовной ответственности имеют своей целью выявление, пресечение (уже совершенного, но продолжаемого фактически) преступления, а также оптимизацию его раскрытия. При этом есть и вторая цель – предупреждение «смежных» преступлений. Так, устанавливая специальное основание освобождения от уголовной ответственности при захвате заложника, законодатель стимулирует виновного отпустить потерпевших. Тем самым повышается вероятность предотвращения вреда жизни или здоровью заложников, т. е. нейтрализуется «кумулятивная» опасность захвата заложников.

В принципе добровольный отказ применим ко всем преступлениям с умышленной формой вины, так как он закреплен в Общей части УК РФ. Однако, его применение невозможно при покушении на многие деящие преступления.

Специальные же основания освобождения от уголовной ответственности в основном относятся именно к таким преступлениям.

На основании изложенного можно сделать вывод о том, что нормы о добровольном отказе и специальные основания освобождения от уголовной ответственности образуют единую систему освобождения от уголовной ответственности. Первые распространяются на юридически не оконченную преступную деятельность, на преступления с «простой» опасностью, а вторые закрепляют относительно фактически не оконченной преступной деятельности, преступлений с «кумулятивной» опасностью. Конкуренция между исследуемыми нормами не существует, скорее можно говорить о их взаимодополняемости.

В следственной и судебной практике также вызывает затруднение разграничение добровольного отказа и вынужденного прекращения преступления.

Сходство двух этих противоположных по своему юридическому значению ситуаций (в первом случае деяние не признается преступлением, а во втором – образует неоконченное преступление) обусловлено общностью некоторых объективных и субъективных признаков.

По объективным признакам их объединяет то, что и в первом, и во втором случаях деяние не доводится до конца, оказывается не завершенным.

С субъективной стороны их сходство заключается в том, что прекращение преступления происходит по сознательному решению лица, уже начавшего совершать деяние.

Вместе с тем эти ситуации имеют принципиальное различие: прекращение преступления при добровольном отказе является добровольным, а при вынужденном оно, хотя и является сознательным и волевым, тем не менее, не может быть признано добровольным. Закон не конкретизирует, любая ли осознаваемая возможность доведения до конца при наличии незавершенности преступления является основанием для

применения ст. 31 УК РФ. Думается, что, хотя законодатель и не делает здесь буквального ограничения, но осознаваемая возможность как проявление добровольности не равнозначна любому волевому прекращению преступления. Смыслу добровольности будет отвечать только такая возможность доведения преступления до конца, при которой не создается реальной опасности быть разоблаченным и, в конечном счете, подвергнуться наказанию. Если такая опасность существует, то преступление прекращается не из внутренних побуждений, а под давлением ситуации, последняя вынуждает человека изменить поведение. Такое прекращение преступления не соответствует понятию добровольности. В пользу данного толкования свидетельствуют уже сложившиеся в теории и практике представления о добровольности применительно к другим институтам. Например, добровольная явка с повинной по всеобщему признанию отсутствует, если лицо заявляет о совершении им преступления после того, как следственным органам стало известно, что оно совершило преступление¹.

Отрицание в подобных случаях добровольности, несомненно, объясняется тем, что поведение «явившегося с повинной» при таких обстоятельствах обусловлено угрозой неминуемого разоблачения и стремлением получить незаслуженную льготу, а не внутренними побуждениями².

Вынужденное прекращение преступления может быть связано с трудностями, с которыми столкнулось лицо, совершающее преступление. При этом завершение преступления затягивается на неопределенное время, появляются дополнительные следы преступления, опасность быть застигнутым на месте преступления и разоблаченным резко возрастает.

Так, Щекотихин осужден за покушение на умышленное причинение смерти Котову.

¹ Дело № 4-у-110 ... из архива Ростовского областного суда за 2011 г.; Дело № 22-2027 ... из архива Приморского краевого суда за 2012 г.

² Плотников, А.И. Отграничение добровольного отказа от вынужденного прекращения преступления / А.И. Плотников // Актуальные вопросы российского прав. – 2007. – № 2. – С. 314.

Проверив материалы дела, обсудив доводы кассационных жалоб и кассационного представления, судебная коллегия находит вывод суда о виновности А.В. Щекотихина в покушении на умышленное убийство основанным на исследованных в судебном заседании доказательствах, анализ которых содержится в приговоре.

Так, из показаний осужденного А.В. Щекотихина усматривается, что потерпевший в их квартире некачественно установил дверь. После чего к ним вновь пришел Котов, одетый в робу камуфляжного цвета, он предложил Котову за собой переделать дефект, в ответ на что Котов ответил нецензурной бранью и заявил, что ничего переделывать не собирается, что бесплатно может выбить двери и вышел из квартиры, громко хлопнув дверью; возмущенный поведением Котова, он взял стоящий около входа топор и вышел в тамбур за Котовым и хотел ударить его обухом топора по спине, чтобы наказать его за плохую работу и хамское поведение, но когда Котов, увидел его намерения, повернулся через левую сторону и немного отошел, в связи с чем, удар пришелся в область головы, затем он еще один раз ударил топором и возможно попал ему в руку; увидев, что Котов не сопротивляется, а только выставляет руку и ногу, он отошел от него, а Котов вызвал лифт и уехал, после этого он оделся, взял топор и вышел на улицу, где увидел Котова, который сидел в машине, он подошел к нему и спросил про замок, но в это время его задержали сотрудники полиции; он осознает, что совершил преступление, но умысла убивать Котова у него не было.

Котов показал, что он устанавливал дверь в квартире обвиняемого и обнаружен дефект в ручке двери, после чего он вновь приехал в квартиру обвиняемого, где находился только А.В. Щекотихин, который начал выражаться нецензурной бранью, говорил, что ничего ему не заплатит, на что он отвечал так же нецензурной бранью, затем вышел из квартиры и вызвал лифт, вслед за ним выбежал А.В. Щекотихин, у него в руках был кухонный железный топор с пластмассовыми накладками на ручке, А.В. Щекотихин

кричал: «Я тебя убью», эту угрозу он воспринял реально, А.В. Щекотихин нанес ему по голове два удара обухом топора, а потом, не останавливаясь, перевернул топор и начал наносить удары лезвием топора, ударов было не меньше восьми, А.В. Щекотихин бил наотмашь, сверху вниз, целился в голову, но так как он, защищаясь, выставлял левую руку, удары приходились на нее, в результате действий А.В. Щекотихина у него было рассечено левое ухо, левое предплечье, была глубокая рана от топора на левой руке, а так же было множество ссадин, когда подъехал лифт, он оттолкнул А.В. Щекотихина от себя метра на 1,5 и когда тот замешкался, забежал в лифт, закрыл двери лифта и вышел на втором этаже, спустился на первый этаж и пошел к своей машине, в машине он перебинтовал поврежденную руку и позвонил своему брату, который является сотрудником полиции, и рассказал ему что произошло, а А.В. Щекотихин вышел с топором на улицу и, постукивая топором по капоту, говорил: «Разбить тебе фары и лобовое стекло», двери автомобиля он не блокировал, но уехать не мог, поскольку не в состоянии был управлять автомобилем, находясь в шоковом состоянии, при этом А.В. Щекотихин звонил своим друзьям и говорил, что денег ему не заплатит, а так же просил друзей подъехать и разобраться с ним; минут через 5 подъехал его брат вместе с сотрудниками полиции, которые задержали А.В. Щекотихина, а затем отвезли его в больницу.

Суд кассационной инстанции, исследуя обстоятельства произошедшего, пришел к выводу, что поведение осужденного во время совершения преступления и позже, а также активное сопротивление потерпевшего, свидетельствуют об отсутствии добровольного отказа осужденного от доведения преступного умысла до конца. В связи с чем, суд кассационной инстанции оставил в силе приговор суда первой инстанции, который квалифицировал действия А.В. Щекотихина по ч. 3 ст. 30, ч. 1

ст. 105 УК РФ¹.

Другой пример, А.М. Кондратенко, располагая информацией о том, что Н.М. и И.А. хранят в своем доме ценные вещи и деньги, решил организовать совершение хищения их имущества путем разбойного нападения, с угрозой применения насилия, опасного для жизни и здоровья, в связи с чем, в октябре 2010 года вступил в преступный сговор с В.В. Цой, который работал у него по найму в качестве строителя и предложил последнему совершить разбойное нападение на семью Ступка.

После того, как В.В. Цой согласился на предложение А.М. Кондратенко, последний провел организационные мероприятия, в соответствии с которыми подсудимые на неустановленном следствиием автомобиле 15.10.2010 г. с целью выяснения возможных путей проникновения в домовладение выехали к дому Ступка, где определили возможность совершения преступления и необходимость приобретения оружия.

Кроме того, во исполнение преступного замысла А.М. Кондратенко подготовил огнестрельное оружие ИЖ–79–9Т с шестью боевыми патронами, которые незаконно хранил у себя дома.

17.10.2010 г. подсудимые на неустановленном следствиием автомобиле повторно выехали к домовладению Ступка с целью наблюдения за домом, и с 21 до 24 часов наблюдали за домом потерпевших, определив это время как возможное для совершения преступления.

Согласно разработанному А.М. Кондратенко плану, В.В. Цой, имея при себе оружие и наручники, должен был 18.10.2010 г. проникнуть во двор, а затем и в дом, где, угрожая применением насилия, опасного для жизни и здоровья, связать И.А. и Н.М., после чего, выяснить где последние хранят ценные вещи и деньги, которые должен был похитить.

18.10.2010 г. в 21 час. В.В. Цой незаконно приобрел у А.М. Кондратенко, а А.М. Кондратенко во исполнение организованного им приготовления к

¹ Дело № 22-687/2011 ... из архива Орловского областного суда за 2011 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.oblsud.orl.sudrf.ru/

совершению разбойного нападения на семью Ступка незаконно передал В.В. Цою пистолет ИЖ–79–9Т, являющийся нарезным огнестрельным самодельным оружием, и 6 штук патронов калибра 9 мм, являющихся боеприпасами, которые В.В. Цой незаконно носил и хранил при себе.

После чего В.В. Цой направился пешком к домовладению Ступка. Прибыв к названному домовладению, В.В. Цой, убедившись, что совершению преступления никто не мешает в 00 часов 25 минут 19.10.2010 г., с целью совершения нападения в целях открытого хищения чужого имущества, с угрозой применения насилия, опасного для жизни и здоровья, незаконно проник во двор указанного домовладения, пытаясь быть незамеченным, подошел к окнам дома, чтобы установить, где находятся хозяева, однако был замечен Н.М., которая начала кричать, после чего во дворе включилось уличное освящение.

После чего В.В. Цой вынужден был скрыться с места преступления.

Суд первой инстанции не согласился с доводами адвоката о том, что в действиях подсудимых есть добровольный отказ, указав следующее: «с доводами защиты о том, что в действиях подсудимых имел место добровольный отказ от совершения преступления, суд согласиться не может, поскольку запланированное ими разбойное нападение не было доведено до конца по независящим от них обстоятельствам – проникнув во двор, В.В. Цой был замечен потерпевшей, которая начала кричать, включила уличное освящение, таким образом, момент внезапности Цоем был утрачен, двери, окна закрыты, он замечен, крики женщины могли привлечь посторонних людей и хозяева имели время для того, чтобы вызвать милицию. Поэтому совершение разбойного нападения, к которому В.В. Цой и А.М. Кондратенко приготовились, стало невозможным, что для В.В. Цоя было очевидным, и он был вынужден скрыться с места преступления»¹.

¹ Дело № 1-604/2011 ... из архива Ленинского районного суда г. Краснодара за 2011 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.krasnodar-leninsky.krd.sudrf.ru/

Другой характерный пример, В июне 2011 г., А.Г. Гимп находясь у себя дома по, с помощью своего компьютера через Интернет зарегистрировался на сайте и заказал у неустановленного лица из г. Санкт-Петербург курительные смеси «Спайс», содержащие наркотические вещества. 9 июня 2011 г. А.Г. Гимп, получил в отделении почтовой связи бандероль, в которой находилось наркотическое средство – курительные смеси «Спайс» (1–Бутил–1Н–индол–3–илнафталин–1–ил) метанон (JWH–073), массой не менее 2,908 грамма, которое хранил в своем автомобиле. Однако, 9 июня 2011 г. около 23 часов А.Г. Гимп был задержан сотрудниками Пуровского МРО УФСКН по ЯНАО, а данное наркотическое средство в указанном размере было обнаружено у А.Г. Гимпи изъято в ходе осмотра принадлежащего ему автомобиля «BMW– X5».

Подсудимый А.Г. Гимп вину в совершении указанного преступления признал полностью и пояснил, что действительно в июне 2011 г. со своего компьютера через сеть «Интернет» заказал у неустановленного лица в г. Санкт-Петербург курительные смеси «Спайс».

9 июня 2011 г., он (А.Г. Гимп) получил по почте бандероль с курительными смесями «Спайс». Одну часть смесей он спрятал в своем автомобиле для личного употребления, а другую часть с той же целью поместил у себя дома и в ремонтной мастерской здания «А», расположенной в микрорайоне г. Губкинский.

При задержании сотрудниками Пуровского МРО УФСКН по ЯНАО он добровольно выдал наркотические вещества, хранившиеся у него по месту его жительства и в мастерской.

Сбытом наркотических средств он (А.Г. Гимп) не занимался, а полученные им посылки приобретались на деньги, которые ему передавались кавказцами. Посылки передавал этим кавказцам, которые угрожали ему физической расправой. В настоящее время также опасается за жизнь и

здоровье своих близких родственников. Исчерпывающие данные об этих лицах в ходе следствия сообщил начальнику Пуровского МРО УФСКНП.

В ходе расследования из-за опасений за жизнь и здоровье близких родственников дал недостоверные показания о том, что получаемое им (А.Г. Гимпом) по почте наркотическое средство он продавал другим лицам.

Кроме личного признания вины в совершении преступления, виновность подсудимого А.Г. Гимп, подтверждается также другими собранными по делу доказательствами.

Свидетель сотрудник УФСКН России по ЯНАО П. пояснил, что в июне 2011 г., ему поступила оперативная информация о том, что А.Г. Гимп придет в вечернее время суток на территорию детского сада в микрорайоне г. Губкинский, а при нем будут находиться наркотические средства. В ходе проверки этой информации, при задержании А.Г. Гимпа тот пытался скрыться. Убегая от оперативников А.Г. Гимп, выбросил сверток. Во время осмотра свертка, в нем находились пакеты с содержимым наркотическим веществом. Все эти предметы было изъяты и упакованы. На момент задержания А.Г. Гимпа оперативники УФСКН не располагали информацией о том, что у А.Г. Гимпа имеется ремонтная мастерская. Также сотрудникам УФСКН не было известно и место жительства последнего. Он (П.), полагал, что наркотическое средство может храниться в автомобиле А.Г. Гимпа, который был обнаружен сотрудниками УФСКН в микрорайоне г. Губкинский. Им (П.) в присутствии понятых А.Г. Гимпу до начала осмотра автомобиля разъяснялись его права. Затем при понятых А.Г. Гимп открыл свой автомобиль БМВХ–5. В указанной автомашине под водительским ковриком был обнаружен пакет с наркотическим средством и курительная трубка. А.Г. Гимп пояснил, что все эти предметы принадлежат ему.

Применительно к ст. 31 УК РФ суд дал следующую оценку действиям А.Г. Гимпа: «Как установлено в судебном заседании, А.Г. Гимп сразу после обнаружения наркотического средства в его автомобиле добровольно

сообщил, что готов указать на места хранения наркотических средств и выдать их сотрудникам УФСКН, что было и сделано подсудимым в тот же день.

Согласно примечанию 1 к ст. 228 УК РФ лицо, совершившее преступление, предусмотренное настоящей статьей, добровольно сдавшее наркотическое средство и активно способствовавшее раскрытию или пресечению преступлений, освобождается от уголовной ответственности за данное преступление. При этом не может признаваться добровольной сдачей наркотических средств их изъятие при задержании лица, а также при производстве следственных действий по их обнаружению.

Суд полагает, что в данном случае, не имеет место добровольный отказ от совершения преступления (незаконного хранения наркотических средств), так как А.Г. Гимп добровольно выдал оставшуюся часть наркотического вещества только после того, как у него в автомобиле было обнаружено наркотическое средство. Тогда как по смыслу закона отказ должен быть добровольным, а не вынужденным, поэтому суд не находит оснований для освобождения А.Г. Гимпа от уголовной ответственности в соответствии со ст. 31 УК РФ»¹.

Еще один характерный пример: 11 февраля 2013 года, примерно в 14 часов 32 минуты, А.В. Белов, находясь в вагоне электропоезда, имея умысел на открытое хищение чужого имущества, выбрав в качестве объекта преступного посягательства ранее незнакомую ФИО1, которая сидела на сидении в указанном вагоне электропоезда, во исполнение своего преступного умысла, из корыстных побуждений, с целью незаконного обогащения, открыто похитил, а именно вырвал из рук потерпевшей, принадлежащий ей мобильный телефон, причинив тем самым ФИО1 материальный ущерб. С похищенным А.В. Белов попытался скрыться с места

¹ Дело № 1-34/2012 ... из архива Губкинского районного суда Ямало-Ненецкого автономного округа за 2012 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.gubkinskiy.ynao.sudrf.ru/

преступления, однако свой преступный умысел довести до конца не смог, так как непосредственно после совершения преступления был задержан сотрудником полиции и лишен реальной возможности распорядиться похищенным.

Суд указал: «Довод защиты о том, что А.В. Белов добровольно отказался от преступления, опровергается исследованными судом доказательствами, в том числе показаниями самого подсудимого, пояснившего суду, что, услышал требование потерпевшей вернуть телефон, однако продолжил убегать с телефоном по эскалатору. Также потерпевшая в судебном заседании показала, что кричала требование подсудимому вернуть телефон, однако А.В. Белов продолжал от нее убегать, и только через некоторое время бросил телефон на ступени эскалатора, а потом, перепрыгнув на другой эскалатор, стал спускаться вниз.

Между тем в соответствии с ч. 1 ст. 31 УК РФ добровольным отказом от преступления признается прекращение действий, непосредственно направленных на совершение преступления, если лицо осознавало возможность доведения преступления до конца.

По смыслу уголовного закона, если лицо отказалось от продолжения совершения преступления из-за различного рода препятствий, которые затрудняли совершение преступления или делали его совершение невозможным, то добровольный отказ в этих случаях отсутствует.

В связи с вышеизложенным, суд приходит к выводу об отсутствии в действиях подсудимого добровольного отказа от преступления, поскольку подсудимый не смог довести свой преступный умысел до конца, по независящим от него обстоятельствам, в виду преследования его потерпевшей, которая кричала ему требование вернуть телефон, и последующем его задержании»¹.

В отличие от вынужденного прекращения преступления при

¹ Дело № 1-125/2013 ... из архива Басманного районного суда г. Москвы за 2013 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.basmanny.msk.sudrf.ru/

добровольном отказе от доведения преступления до конца лицу, начавшему совершать преступление, никакие внешние обстоятельства не мешают продолжить преступление.

Так, К.З.Ш. признан виновным в том, что в ночь на 7 декабря 2002 г., из хулиганских побуждений, нанося удары руками, ногами и различными предметами, с особо жестокостью избил И.А.В., причинив тяжкий вред здоровью потерпевшего, повлекшего по неосторожности его смерть. После чего на почве личных неприязненных отношений покушался на убийство С.А.А.

Кассационной инстанцией приговор суда оставлен без изменения.

В надзорной жалобе осужденным поставлен вопрос об отмене судебных решений и направлении дела на новое рассмотрение. К.З.Ш. указывает на то, что его вина в причинении тяжкого вреда здоровью потерпевшего И. не доказана, И. били несколько человек, от его действий смерть потерпевшего наступить не могла. Обвинение в покушении на убийство потерпевшего Сч. основано не только на недостоверных показаниях потерпевшего, которые противоречат другим обстоятельствам дела.

Жалоба осужденного подлежит удовлетворению частично.

Доводы К.З.Ш. о недоказанности его вины в причинении тяжких телесных повреждений И. являются несостоятельными. Поскольку опровергаются изложенными в приговоре доказательствами.

Из показаний свидетелей К-ой, Сл. и потерпевшего Сч. суд установил, что они вместе с К-ой и его сожительницей С-вой распивали спиртные напитки в доме К-ой. Туда же пришел И. К.З.Ш. не позволил И. зайти в дом, в связи с чем между ними на веранде произошла драка, в ходе которой К.З.Ш. избил И. К-ва и Сч. выходили на веранду и видели, что И. лежал на полу в крови, ничего не говорил.

По заключению судебно-медицинской экспертизы смерть потерпевшего наступила от тяжелой черепно-мозговой травмы, возникшей не менее, чем от

30–40 ударов в лицо и по голове твердыми предметами, имеющими различную форму, на теле потерпевшего обнаружены множественные повреждения, которые могли быть причинены, в том числе, ребром и прилегающими плоскостями доски, штакетника, плотного ремня и т. п. С места преступления были изъяты обломки палки и кусок шифера, на которых обнаружены следы крови потерпевшего.

Вина К.З.Ш., кроме того, подтверждена показаниями родителей потерпевшего З.Н.П. и И.В.Н., которым К.З.Ш. помогал отвезти И. до дома и признался в избиении их сына, показаниями свидетелей Я.С.Б., о том, что со слов родителей потерпевшего ему стало известно об избиении И. К.З.Ш., при задержании К.З.Ш. подтвердил данный факт и написал чистосердечное признание. Кроме того, на изъятых у К.З.Ш. валенках обнаружены пятна крови, в нескольких пятнах кровь могла произойти от К.З.Ш., в остальных от И. Причастность Сл. и С-ой к избиению потерпевшего И. проверялась, но не нашла своего подтверждения в судебном заседании.

Доводы осужденного о том, что он защищался от действий И., который первым нанес ему удары кастетом по голове, являются несостоятельными. из показаний очевидцев преступления К-ой, Сч. и Сл. суд установил, что кастет в руках И. появился уже после того, как К.З.Ш. вытолкнул его на веранду и стал избивать. У К.З.Ш. действительно, на голове были поверхностные раны, не повлекшие вреда здоровью, однако, количество и характер этих повреждений и повреждений, причиненных И., не свидетельствуют о том, что К.З.Ш. защищался от действий потерпевшего.

При таких обстоятельствах суд обоснованно пришел к выводу о доказанности вины К.З.Ш. в причинении смертельных повреждений И., дал правильную правовую оценку его действиям, назначив обоснованное и справедливое наказание за данное преступление.

Вместе с тем приговор подлежит отмене по следующим основаниям.

К.З.Ш. по ст. ст. 30 ч. 3 – 105 ч. 1 УК РФ осужден за то, что покушался на

убийство потерпевшего Сч.

Судом установлено, что после того, как К.З.Ш. избил И., с целью убийства К.З.Ш. сидящему на стуле Сч. накинул на шею брючной ремень, пытался его задушить. Однако, Сч., защищаясь пнул его по ноге, после чего К.З.Ш. отпустил ремень и прекратил свои действия.

К.З.Ш. по данному обвинению вину не признал, пояснив, что он подошел к Сч., поднял его за шиворот и велел одеть и увезти И. домой, так как Сч. и И. друзья. Умысла на убийство Сч. у него не было.

Признав достоверными показания Сч., суд правильно установил фактические обстоятельства совершения преступления в отношении него, вместе с тем дал неверную оценку действиям осужденного.

В соответствии со ст. 30 УК РФ покушением на преступление признаются умышленные действия лица, непосредственно направленные на совершение преступления, если при этом преступление не было доведено до конца по независящим от этого лица обстоятельствам.

Указав в приговоре, что активное сопротивление потерпевшего помешало К.З.Ш. довести свой умысел до конца, суд не привел доводов о том, что удар по ноге явился тем препятствием, которое не позволило К.З.Ш. довести свой преступный умысел на убийство до конца, тем более, что после случившегося К.З.Ш. и Сч. еще в течение некоторого времени находились в указанном доме.

Согласно показаниям потерпевшего Сч. в судебном заседании, К.З.Ш. ничего не мешало довести умысел на убийство до конца.

Установленные судом обстоятельства свидетельствуют о том, что К.З.Ш. добровольно отказался от доведения своего умысла на убийство Сч. до конца. А фактически совершенное им деяние содержит состав преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 116 УК РФ¹.

¹ Дело № 4у-2006-198 ... из архива Челябинского областного суда за 2006 г.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В рамках настоящей работы мы проанализировали институт добровольного отказа от совершения преступления, а также некоторые проблемные вопросы, связанные с указанным институтом.

По итогам анализа мы пришли к следующим выводам.

Так как в законодательстве термин добровольного отказа определен не четко, в науке уголовного права сложилось не мало точек зрения относительно указанного понятия. Мы предлагаем следующее определение добровольного отказа: Добровольным отказом от преступления следует считать основанный на собственном желании и воле лица отказ от возможности совершения приготовительных действий, что, в свою очередь, влечет и прекращение уже начатой преступной деятельности и не доведение ее до конца.

Признаками добровольного отказа являются: 1) объективное прекращение совершения умышленного преступления; 2) добровольность; 3) окончательность; 4) своевременность.

На основании анализа литературы по вопросу о возможности признания добровольного отказа в случае, когда субъект выполнил всю объективную сторону совершенного деяния, мы пришли к выводу о том, что добровольный отказ при оконченном покушении невозможен.

Относительно правовой природы добровольного отказа полагаем, что добровольный отказ от преступления занимает промежуточное место между преступным и правомерным поведением.

Также мы придерживаемся пусть и не бесспорной точки зрения о том, что в случае добровольного отказа в деянии лица отсутствует состав преступления. Тем не менее, при добровольном отказе от преступления основание прекращения уголовного дела не должно сводиться лишь к отсутствию состава преступления, а должно быть особо закреплено в

уголовно процессуальном законодательстве, чтобы подчеркнуть специальное основание не привлечения к уголовной ответственности – добровольный отказ.

Анализируя институт добровольного отказа в зарубежном уголовном праве, мы пришли к следующему: давая определение добровольному отказу, законодательство зарубежных стран не отражает его четкого понятия; значение добровольного отказа от преступления для дифференциации уголовной ответственности в различных уголовно-правовых системах различно – в некоторых странах он исключает уголовную ответственность и наказание (Франция, ФРГ, Голландия, Дания, Болгария, Испания, Польша), в других является основанием для смягчения наказания (например, в Японии); в ряде стран законодатель дифференцирует особенности добровольного отказа соучастников преступления (ФРГ, Польша, Беларусь, Казахстан, Киргизия, Азербайджан).

На практике возникает немало трудностей с разграничением добровольного отказа от деятельного раскаяния, вынужденного прекращения преступления, а также добровольного отказа и специальных оснований освобождения от уголовной ответственности.

В рамках настоящей квалификационной работы мы обозначали критерии, по которым необходимо отграничивать указанные институты.

Отличие добровольного отказа от деятельного раскаяния сводится к следующим моментам:

1. Добровольный отказ от совершения преступления сопутствует лишь умышленной преступной деятельности, он может иметь место только на стадии приготовления и неоконченного покушения. Деятельное раскаяние может быть установлено как при умышленном преступлении, так и при совершении преступления по неосторожности.

2. Добровольный отказ возможен лишь до момента окончания преступления. Деятельное раскаяние имеет место как при оконченом, так и

при неоконченном преступлении.

3. Характерным признаком добровольного отказа является прекращение преступления добровольно.

Отличие же деятельного раскаяния от добровольного отказа на стадии приготовления или покушения состоит в том, что лицо в случае деятельного раскаяния прекращает совершение преступления помимо своей воли, и только после этого совершает действия по предотвращению вредных последствий, возмещению причиненного ущерба и т. п.

4. При добровольном отказе от совершения преступления в действиях лица отсутствует состав преступления (за исключением тех случаев, когда в совершенном до добровольного отказа деянии содержится состав иного преступления). Деятельное раскаяние характеризуется тем, что в действиях, совершенных до него, всегда содержится состав преступления.

5. Добровольный отказ освобождает лицо от уголовной ответственности за то деяние, от совершения которого оно отказалось. Деятельное раскаяние лишь смягчает эту ответственность.

6. Добровольный отказ, как правило, выражается в простом воздержании от дальнейшего совершения преступления. Деятельное раскаяние всегда выражается в совершении активных действий, активном поведении лица.

7. В преступлениях с материальным составом может иметь место как добровольный отказ, так и деятельное раскаяние. В преступлениях с формальными составами данный вопрос решается неоднозначно.

Добровольный отказ и специальные основания освобождения от уголовной ответственности имеют много общих черт, но есть ряд отличий, главное из которых кроется в целях их установления. Добровольный отказ направлен на пресечение совершаемого преступления и на предотвращение его преступного результата. Специальные основания освобождения от уголовной ответственности имеют своей целью выявление, пресечение (уже совершенного, но продолжаемого фактически) преступления, а также

оптимизацию его раскрытия. При этом есть и вторая цель – предупреждение «смежных» преступлений. Так, устанавливая специальное основание освобождения от уголовной ответственности при захвате заложника, законодатель стимулирует виновного отпустить потерпевших. Тем самым повышается вероятность предотвращения вреда жизни или здоровью заложников, т. е. нейтрализуется «кумулятивная» опасность захвата заложников.

В принципе добровольный отказ применим ко всем преступлениям с умышленной формой вины, так как он закреплен в Общей части УК РФ. Однако, его применение невозможно при покушении на многие длящиеся преступления.

Специальные же основания освобождения от уголовной ответственности в основном относятся именно к таким преступлениям.

Добровольный отказ и вынужденное прекращение преступления разграничиваются по признаку добровольности – прекращение преступления при добровольном отказе является добровольным, а при вынужденном оно, хотя и является сознательным и волевым, тем не менее, не может быть признано добровольным. Также, вынужденное прекращение преступления может быть связано с трудностями, с которыми столкнулось лицо, совершающее преступление. При этом завершение преступления затягивается на неопределенное время, появляются дополнительные следы преступления, опасность быть застигнутым на месте преступления и разоблаченным резко возрастает.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Раздел 1 Нормативные правовые акты и иные официальные акты

- 1 Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года // Российская газета. – 1993. – 25 декабря.
- 2 Гражданский Кодекс Российской Федерации (часть 1) от 30.11.1994 № 51–ФЗ // СЗ РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
- 3 Гражданский Кодекс РФ (часть 2) от 26.01.1996 № 14–ФЗ // СЗ РФ. – 1996. – № 5. – Ст. 410.
- 4 Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63–ФЗ // СЗ РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.
- 5 Уголовно–процессуальный Кодекс РФ от 18.12.2001 № 174–ФЗ // СЗ РФ. – 2001. – № 52 (ч. 1). – Ст. 4921.
- 6 Уголовный Кодекс Р.С.Ф.С.Р. 1922 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.constitutions.ru/archives
- 7 Уголовный Кодекс Р.С.Ф.С.Р. 1926 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.docs.cntd.ru/document
- 8 Уголовный Кодекс РСФСР от 1960 г. // Ведомости РСФСР. – 1960. – № 40. – Ст. 591.
- 9 Уголовный Кодекс Республики Армения от 18.04.2003. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.competition.am/upl

Раздел 2 Литература

- 10 Ананьин, А.Ф. Организация, подстрекательство и пособничество в групповом преступлении: автореферат дис. ... канд. юрид. наук / А.Ф. Ананьин. – Свердловск, 1980. – 23 с.

- 11 Антонов, А.Г. Деятельное раскаяние / А.Г. Антонов. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2002. – 164 с.
- 12 Антонов, А.Г. Соотношение специальных оснований освобождения от уголовной ответственности и добровольного отказа от совершения преступления / А.Г. Антонова // Вестник Владимирского юридического института. – 2001. – № 1. – С. 46–50.
- 13 Ахметшин, Х.М. Новое уголовное законодательство КНР / Х.М. Ахметшин, Н.Х. Ахметшин // Государство и право. – 1998. – № 10. – С. 74–78.
- 14 Базаров, Р.А. Освобождение от уголовной ответственности и наказания: учебное пособие / Р.А. Базаров, К.В. Михайлов. – Челябинск: Челябинский юрид. ин-т МВД России, 2001. – 79 с.
- 15 Браинин, Я.М. Уголовная ответственность и ее основания в советском уголовном праве / Я.М. Браинин. – М.: Юрид. лит., 1963. – 275 с.
- 16 Бурчак, Ф.Г. Учение о соучастии по советскому уголовному праву / Ф.Г. Бурчак. – Киев: София, 1968. – 216 с.
- 17 Гладких, А.А. Проблемы разграничения оснований освобождения от уголовной ответственности по ст. 31 и 75 УК РФ / А.А. Гладких // Известия Иркутской государственной экономической академии. – 2002. – № 3. – С. 74–78.
- 18 Головки, Л. Классификация освобождений от уголовной ответственности / Л. Головки // Законность. – 1998. – № 11. – С. 38–40.
- 19 Гражданский иск в уголовном процессе: предъявление, доказывание, рассмотрение / Р.М. Пыталев. – Минск: БГУ, 2003. – 120 с.
- 20 Грачева, Ю.В. Источники судебного усмотрения в нормах освобождения от уголовной ответственности / Ю.В. Грачева // Русский закон. – 2011. – № 3. – С. 491–505.
- 21 Грибов, А.С. Дифференциация ответственности за экономические преступления с помощью средств Особенной части УК ФРГ /

- А.С. Грибов // Вестник ЮрГУ. Серия: Гуманитарные науки. – 2011. – № 1. – С. 76–79.
- 22 Гринь, М.В. Неоконченное преступление: автореферат дис. ... канд. юрид. наук / М.В. Гринь. – Краснодар, 2003. – 25 с.
- 23 Демидов, Ю.А. Социальная ценность и оценка в уголовном праве / Ю.А. Демидов. – М.: Юрид. лит., 1975. – 182 с.
- 24 Деятельное раскаяние в совершенном преступлении: практическое пособие / под ред. С.П. Щерба. – М.: Спарк, 1997. – 110 с.
- 25 Дронова, Т.Н. Понятие и признаки добровольного отказа от преступления / Т.Н. Дронова // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. – 2011. – № 9. – С. 123–128.
- 26 Дьяков, С. Добровольный отказ от совершения преступления / С. Дьяков // Соц. Законность. – 1973. – № 10. – С. 51–55. Дурманов, Н.Д. Стадии совершения преступления по советскому уголовному праву / Н.Д. Дурманов. – М.: Госюриздат, 1955. – 212 с.
- 27 Елеонский, В.А. Поощрительные нормы уголовного права и их значение в деятельности органов внутренних дел / В.А. Елеонский. – Хабаровск: Изд-во ХВСШ МВД СССР, 1984. – 154 с.
- 28 Есаков, Г.А. Основы сравнительного уголовного права: Монография / Г.А. Есаков. – М.: Элит, 2007. – 152 с.
- 29 Есаков, Г.А. Покушение как разновидность неоконченного преступления в английском уголовном праве / Г.А. Есаков // Русский закон. – 2005. – № 2. – С. 375–393.
- 30 Звечаровский, И.Э. Добровольный отказ от доведения преступления до конца / И.Э. Звечаровский. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2008. – 87 с.
- 31 Здравомыслов, Б.В. Стадии совершения умышленного преступления / Б.В. Здравомыслов. – М.: Госюриздат, 1960. – 344 с.
- 32 Иванов, А.М. Преступление и наказание в странах Азиатско-

- Тихоокеанского региона / А.М. Иванов, А.Г. Корчагин. – Владивосток: ДВГУ, 1999. – 127 с.
- 33 Иванов, В.Д. Ответственность за покушение на совершение преступления по советскому уголовному праву: автореферат дис. ... канд. юрид. наук / В.Д. Иванов. – М., 1968. – 29 с.
- 34 Иванов, В.Д. Понятие добровольного отказа от начатой преступной деятельности / В.Д. Иванов // Правоведение. – 1992. – № 1. – С. 60–65.
- 35 Ильина, А.И. К вопросу о значении сравнительно-правового метода для совершенствования правил экстерриториального действия российского уголовного закона в пространстве / А.И. Ильина // Вестник Башкирского университета. – 2011. – № 4. – С. 1441–1444.
- 36 Келина, С.Г. Теоретические вопросы освобождения от уголовной ответственности / С.Г. Келина. – М.: Наука, 1974. – 230 с.
- 37 Кибальник, А.Г. Основные положения уголовного права Аргентины / А.Г. Кибальник // Общество и право. – 2010. – № 4. – С. 110–113.
- 38 Ключев, А.А. Добровольный отказ от совершения преступления / А.А. Ключев. – СПб.: Изд-во профессора Малинина, 2006. – 429 с.
- 39 Ковалев, М.И. Соучастие в преступлении. Ч. 2 / М.И. Ковалев. – Свердловск: Изд-во Свердл. юрид. ин-та, 1962. – 275 с.
- 40 Козлов, А.П. Учение о стадиях преступления / А.П. Козлов. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. – 353 с.
- 41 Комментарий к Уголовному Кодексу Российской Федерации с постатейными материалами и судебной практикой / под ред. С.И. Улезько. – Ростов н/Д.: МарТ Изд. Центр, 2002. – 489 с.
- 42 Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. А.В. Наумова. – М.: Инфра-М, 2000. – 736 с.
- 43 Комментарий к Уголовному Кодексу РФ (постатейный) / под ред. А.В. Бриллиантова. – М.: Проспект, 2010. – 689 с.

- 44 Комментарий к Уголовному Кодексу РФ / под ред. В.Т. Томина, В.В. Сверчкова. – М.: Контракт, 2009. – 569 с.
- 45 Коновский, А.М. Категории преступлений и вопросы освобождения от уголовной ответственности / А.М. Коновский // Российский следователь. – 2003. – № 2. – с. 30–35.
- 46 Коробеев, А.И. Уголовно–правовая политика: тенденции и перспективы / А.И. Коробеев, А.В. Усс, Ю.В. Голик. – Красноярск: Изд-во Красноярского университета, 1991. – 240 с.
- 47 Кругликов, Л.Л. Дифференциация ответственности в уголовном праве / Л.Л. Кругликов, А.В. Василевский. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. – 300 с.
- 48 Кузнецова, Н.Ф. Ответственность за приготовление к преступлению и покушение на преступление по советскому уголовному праву / Н.Ф. Кузнецова. – М.: Изд-во МГУ, 1958. – 203 с.
- 49 Курс советского уголовного права / под ред. Н.А. Беляева, М.Д. Шаргородского. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1968. – 675 с.
- 50 Курс уголовного права. Общая часть. Т. 1: Учение о преступлении / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. – М.: Зерцало, 1999. – 624 с.
- 51 Луков, Г.Д. Психология / Г.Д. Луков, В.К. Платов. – М.: Воениздат, 1964. – 344 с.
- 52 Лясс, Н.В. Добровольный отказ от совершения преступления / Н.В. Лясс // Советская юстиция. – 1963. – № 22. – С. 17–22.
- 53 Лясс, Н.В. Курс советского уголовного права. Часть общая. Т.1 / Н.В. Лясс. – Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1968. – 648 с.
- 54 Лясс, Н.В. Стадии преступной деятельности по советскому уголовному праву: автореферат дис. ... канд. юрид. наук / Н.В. Лясс. – Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1952. – 188 с.

- 55 Малиновский, А.А. Сравнительное правоведение в сфере уголовного права / А.А. Малиновский. – М.: Международные отношения, 2002. – 375 с.
- 56 Малиновский, А.А. Уголовное право зарубежных государств / А.А. Малиновский. – М.: Новый Юрист, 1998. – 182 с.
- 57 Малков, В.П. Субъективные основания уголовной ответственности / В.П. Малков // Государство и право. – 2001. – № 8. – С. 45–50.
- 58 Марченко, М.Н. Сравнительное правоведение. Общая часть / М.Н. Марченко. – М.: Зерцало, 2001. – 560 с.
- 59 Мельниченко, А.Б. Уголовное право. Общая и Особенная части: учебное пособие / А.Б. Мельниченко, С.Н. Радачинский. – М.: МЦ ГУК МВД России, 2002. – 356 с.
- 60 Меньшикова, Н.А. Особенности регламентации института деятельного раскаяния в уголовном законодательстве зарубежных государств / Н.А. Меньшикова // Вестник Кузбасского института. – 2012. – № 5. – С. 69–75.
- 61 Михайлов, А.Н. Совершение преступления впервые как одно из условий прекращения уголовного преследования в связи с деятельным раскаянием / А.Н. Михайлов // Вестник Сибирского юридического института ФСКН России. – 2013. – № 1. – С. 118–122.
- 62 Назаренко, Г.В. Уголовное право. Общая часть: Курс лекций / Г.В. Назаренко. – М.: Осъ–89, 2008. – 229 с.
- 63 Наумов, А.В. Российское уголовное прав. Общая часть / А.В. Наумов. – М.: Бек, 1996. – 496 с.
- 64 Нерсесян, В.А. Понятие и формы вины в уголовном праве / В.А. Нерсесян // Правоведение. – 2002. – № 2. – С. 70–76.
- 65 Никулин, С.И. Деятельное раскаяние и его значение для органов внутренних дел по борьбе с преступностью / С.И. Никулин. – М.: Изд-во МВШ МВД СССР, 1985. – 64 с.

- 66 Овсепян, Л.Г. Уголовно–правовая охрана флоры и фауны по законодательству Армении и России (сравнительно–правовое исследование) / Л.Г. Овсепян. – Владимир: Аксион-пресс, 2008. – 159 с.
- 67 Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М.: Азбуковник, 1999. – 944 с.
- 68 Орлова, А.И. Добровольный отказ от преступления: проблемы теории и практики: дис. ... канд. юрид. наук / А.И. Орлова. – Красноярск, 2007. – 195 с.
- 69 Орлова, А.И. Добровольный отказ от преступления: проблемы теории и практики: автореферат дис. ... канд. юрид. наук / А.И. Орлова. – Красноярск, 2007. – 24 с.
- 70 Панько, К.А. Некоторые вопросы освобождения от уголовной ответственности / К.А. Панько. – М.: Норма, 1998. – 98 с.
- 71 Панько, К.А. Добровольный отказ от преступления по советскому уголовному праву / К.А. Панько. – Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1975. – 145 с.
- 72 Петрова, О.В. Восстановительное правосудие: новое направление в решении задач уголовного процесса / О.В. Петрова // Науч.-практ. центр проблем укрепления законности и правопорядка Генер. прокуратуры Респ. Беларусь. – Минск: БГУ, 2009. – 420 с.
- 73 Пионтковский, А.А. Учение о преступлении / А.А. Пионтковский. – М.: Госюриздат, 1961. – 666 с.
- 74 Питецкий, В.В. О юридической природе освобождения от уголовной ответственности при добровольном отказе от совершения преступления / В.В. Питецкий // Проблемы уголовной ответственности и наказания. – Красноярск: РАСТР, 1995. – 240 с.

- 75 Плотников, А.И. Отграничение добровольного отказа от вынужденного прекращения преступления / А.И. Плотников // Актуальные вопросы российского прав. – 2007. – № 2. – С. 314–316.
- 76 Побегайло, Э.Ф. Стадии совершения умышленного преступления // Уголовное право России: учеб. для вузов: в 2 т. / под ред. А.Н. Игнатова, Ю.А. Красикова. – М.: Норма, 1999. – 580 с.
- 77 Применение положений закона о добровольном отказе от совершения преступлений в практике деятельности исправительно-трудовых учреждений / под ред. С.Р. Рыспаева. – Фрунзе: МВД Киргизской ССР, 1978. – 44 с.
- 78 Пыталев, Р.М. Альтернативы уголовному преследованию и наказанию в виде лишения свободы – случайное заимствование зарубежного опыта или последовательное развитие отечественного законодательства и практики правоприменения / Р.М. Пыталев // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции. – 2011. – № 4. – С. 138–147.
- 79 Рарог, А.И. Общая теория вины в уголовном праве / А.И. Рарог. – М.: Экзамен, 2003. – 230 с.
- 80 Саидов, А.Х. Сравнительное правоведение (основные правовые системы современности) / А.Х. Саидов. – М.: Юристъ, 2003. – 448 с.
- 81 Сахаров, А.Б. Предупредительная функция советского уголовного закона / А.Б. Сахаров // Актуальные проблемы уголовного права: сборник статей. – М.: ИГПАН, 1988. – 683 с.
- 82 Сверчков, В. Место добровольного отказа от преступления в системе уголовного законодательства / В. Сверчков // Уголовное право. – 2001. – № 2. – С. 25–30.
- 83 Сверчков, В.В. Освобождение от уголовной ответственности, прекращение уголовного дела (преследования), отказ в его

- возбуждении: проблемы теории и практики / В.В. Сверчков. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2008. – 586 с.
- 84 Селезнев, М. Неоконченное преступление и добровольный отказ / М. Селезнев. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.juristlib.ru/>
- 85 Система санкций в уголовном праве Голландии и России / под ред. А.Н. Тарбагаев. – Красноярск: КВШ МВД РФ, 1997. – 210 с.
- 86 Ситникова, А.И. Подготовка к преступлению и покушение на преступление / А.И. Ситникова. – М.: Ось–89, 2006. – 160 с.
- 87 Скорилкин, Н.М. Добровольный отказ от преступления его место в системе обстоятельств, освобождающих от уголовной ответственности: автореферат дис. ... канд. юрид. наук / Н.М. Скорилкин. – М., 1998. – 25 с.
- 88 Смирнов, В.Г. Функции советского уголовного права / В.Г. Смирнов. – Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1965. – 217 с.
- 89 Соколова, Н.В. Значение института добровольного отказа от совершения преступления в укреплении социалистической законности / Н.В. Соколова. – Ташкент: Ташкентская типография, 1966. – С. 80–84.
- 90 Тадевосян, Л.З. Добровольный отказ от преступления при соучастии / Л.З. Тадевосян // Вектор науки ТГУ. – 2010. – № 1. – С. 139–142.
- 91 Тадевосян, Л.З. Неоконченные преступления: монография / Л.З. Тадевосян. – М.: ЮНИТИ–ДАНА, 2008. – 207 с.
- 92 Тер-Акопов, А.А. Добровольный отказ от совершения преступления / А.А. Тер-Акопов. – М.: Юрид. лит., 1982. – 96 с.
- 93 Тихомиров, Ю.А. Курс сравнительного правоведения / Ю.А. Тихомиров. – М.: НОРМА, 1996. – 432 с.
- 94 Уголовное законодательство зарубежных стран (Англии, США, Франции, Германии, Японии): сб. законодат. Материалов / под ред. И.Д. Козочкина. – М.: Зерцало, 1998. – 878 с.

- 95 Уголовное право зарубежных государств. Общая часть: учеб.пособие / под ред. И.Д. Козочкина. – М.: Омега–Л, 2003. – 576 с.
- 96 Уголовное право России. Практический курс: учебник / под ред. А.В. Наумова. – М.: ВолтерсКлувер, 2010. – 773 с.
- 97 Уголовное право России. Т.1. Общая часть / под ред. А.И. Игнатова, Ю.А. Красикова. – М.: Филинь, 1999. – 480 с.
- 98 Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учебник / под ред. А.И. Марцева. – Омск: Юридический ин-т МВД России, 1998. – 366 с.
- 99 Уголовное право Российской Федерации: Общая часть / под ред. В.В. Здравомыслова. – М.: Юристъ, 1999. – 480 с.
- 100 Уголовное право: Общая часть: учебник / под ред. И.Я. Козаченко. – М.: Норма, 1997. – 720 с.
- 10 Уголовный кодекс Болгарии / под ред. А.И. Лукашева. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2001. – 298 с.
- 11 Уголовный кодекс Голландии / под ред. Б.В. Воложенкин. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2001. – 510 с.
- 12 Уголовный кодекс Дании / под ред. С.С. Беляева. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2001. – 240 с.
- 101 Уголовный Кодекс Испании / под ред. Н.Ф. Кузнецовой. – М.: Зерцало, 1998. – 218 с.
- 102 Уголовный Кодекс Кыргызской Республики / под ред. А.П. Стуканова. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. – 350 с.
- 103 Уголовный Кодекс Республики Польша / под ред. А.И. Лукашева. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2001. – 270 с.
- 104 Уголовный кодекс Швейцарии / под ред. А.В. Серебренникова. – М.: Зерцало, 2000. – 138 с.
- 105 Уголовный кодекс Швеции / под ред. Н.Ф. Кузнецовой. – М.: Зерцало, 2001. – 320 с.

- 106 Уголовный Кодекс Японии / под ред. А.И. Коробеева. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. – 226 с.
- 107 Цвайгерт, К. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права: В 2-х тт. Том I: Основы / К. Цвайгерт, Х. Кетц. – М.: Международные отношения, 2000. – 320 с.
- 108 Чупрова, О.Н. Добровольный отказ от преступления: особенности дифференциации ответственности / О.Н. Чупрова // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2007. – № 2. – С. 109–113.
- 109 Шавгулидзе, Т.Г. Уголовно–правовое значение аффекта / Т.Г. Шавгулидзе. – М.: МГУ, 1974. – 310 с.
- 110 Шакирова, А.А. Добровольный отказ от преступления соучастников: дис. ... канд. юрид. наук / А.А. Шакирова. – Красноярск, 2006. – 201 с.
- 111 Шамина, М.А. Дискуссионные подходы к определению понятия «добровольный отказ от совершения преступления» / М.А. Шамина // Вестник Челябинского государственного университета. – 2011. – № 35. – С. 68–72.
- 112 Юшков, Ю. Добровольность отказа от совершения преступления / Ю. Юшков // Советская юстиция. – 1978. – № 8. – С. 20–26.

Раздел 3 Постановление высших судебных инстанций и материалы юридической практики

- 113 Постановление Пленума ВС РФ «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» от 27.12.2002 № 29 // Российская газета. – 2003. – № 9.
- 114 Постановление Пленума ВС РФ «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным

- завладением без цели хищения» от 09.12.2008 № 25 // Российская газета. – 2008. – № 265.
- 115 Определение Конституционного Суда РФ от 4 июня 2007 г. № 519–О–О. «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Ленинского районного суда города Махачкалы о проверке конституционности статьи 25 Уголовно–процессуального кодекса Российской Федерации» 4 июня 2007 г. № 519–О–О. //Доступ из СПС Гарант
- 116 Постановление Президиума № 228 от 13.07.2011 // Бюллетень судебной практики Московского областного суда. – 2011.
- 117 Дело № 1–113/2013 ... из архива Озерского городского суда Челябинской области за 2013 г.
- 118 Дело № 1–125/2013 ... из архива Басманного районного суда г. Москвы за 2013 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.basmanny.msk.sudrf.ru/
- 119 Дело № 1–12/2013 ... из архива Черкесского городского суда Карачаево-Черкесской республики за 2013 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.cherkessky.kchr.sudrf.ru/
- 120 Дело № 2–50/2012 ... из архива Ленинградского областного суда за 2012 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.oblsud.lo.sudrf.ru/
- 121 Дело № 1–34/2012 ... из архива Губкинского районного суда Ямало–Ненецкого автономного округа за 2012 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.gubkinskiy.ynao.sudrf.ru/
- 122 Дело № 22–2027 ... из архива Приморского краевого суда за 2012 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.kraevoy.prm.sudrf.ru/
- 123 Дело № 4–у–110 ... из архива Ростовского областного суда за 2011 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.oblsud.ros.sudrf.ru/
- 124 Дело № 1–323/2011 ... из архива Озерского городского суда Челябинской области за 2011 г.

- 125 Дело № 1–604/2011 ... из архива Ленинского районного суда г. Краснодара за 2011 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.krasnodar-leninsky.krd.sudrf.ru/
- 126 Дело № 22–687/2011 ... из архива Орловского областного суда за 2011 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.oblsud.orl.sudrf.ru/
- 127 Дело № 1–517 ... из архива Златоустовского городского суда Челябинской области за 2011 г.
- 128 Дело № 1–9/2011 ... из архива Ленинского районного суда г. Екатеринбурга за 2011 г.
- 129 Дело № 4у–2006–198 ... из архива Челябинского областного суда